

*Союз сестричеств милосердия
Белорусской Православной Церкви
Общее Собрание 2010 г*

В помощь сестре милосердия

Сборник статей на темы:

Милосердие и благотворительность

Сестра милосердия: призвание и доверие

Женщина в Церкви

Минск 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ I. Милосердие и благотворительность 3

*Доклад Митрополита Минского и Слуцкого Филарета,
Патриаршего Экзарха всея Беларуси «Милосердие: богословие
и жизнь Православной Церкви (на примере Белорусского
Экзархата Московского Патриархата)» 3*

Милосердие как основа социального служения..... 9

Милосердие 24

Милосердие — воспитание чувств..... 32

РАЗДЕЛ II. Сестра милосердия: призвание и доверие..... 34

Митрополит Филарет Слово о женщинах-христианках 34

Кто такие сестры милосердия? 36

Общины сестер милосердия и православная церковь 51

Эволюция сестринского костюма за почти 200 лет его существования 66

РАЗДЕЛ III. Женщина в Церкви..... 71

*Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии
I Форума православных женщин 71*

Женщина в Церкви..... 75

РАЗДЕЛ I. Милосердие и благотворительность

Доклад Митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси «Милосердие: богословие и жизнь Православной Церкви (на примере Белорусского Экзархата Московского Патриархата)»

на конференции общины Святого Эгидия в Риме

«Бедные — сокровище Церкви.

Православные и католики на пути милосердия» 4 мая 2010 года.

Дорогой монсиньор Винченцо Палья! Досточтимые высокие участники
и организаторы нынешней конференции!

Сердечно благодарю всех вас за возможность встречи и за тему, предложенную к
обсуждению. Она важна, потому что путь милосердия слишком ответственен, что-
бы мир позволил себе забыть его истинный смысл и высокую цель.

В языках современных обществ такие слова, как «милосердие» и «благотворитель-
ность» постепенно уходят из активного словоупотребления и приобретают несколь-
ко архаический оттенок. И не только потому, что мир становится жестче... Причина
также и в том, что благотворительность и милосердие нередко становятся лукавыми
мотивами в международных политических и экономических хитросплетениях.

Раз и навсегда сказанное Премудрым Екклесиастом слово о милосердии призыва-
ет нас к осторожности и внимательности. «Многие хвалят человека за милосердие, —
свидетельствует премудрый царь Соломон, — но правдивого человека кто находит?»
(Притч. 20: 6).

Понятие о милосердии в Священном Писании и святоотеческом предании

Что же говорит нам Священное Писание, где в книгах Ветхого и Нового Завета
эти лексемы встречаются в разных вариациях около трехсот раз?

Милосердие понимается:

— во-первых, как форма непосредственного общения человека с Богом: «*Обручу
тебя Мне в правде и суде, в благости и милосердии*», — говорит Творец устами про-
рока Осии (Ос. 2: 19);

— во-вторых, как образ жизни через подражание Божественному милосердию:
«*Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд*» (Лк. 6: 36), — заповедует Господь наш
Иисус Христос;

— в-третьих, как спасительный подвиг избавления от грехов: «*Искупи грехи твои*

правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой», — свидетельствует пророк Даниил (Дан. 4: 24).

Правда как свидетельство чистой совести, справедливый суд как показатель нравственности общества, благость власти, взаимное милосердие как залог равенства людей друг перед другом и перед Богом: вот библейские основы для процветания народов и человеческого сообщества в целом.

Иными словами, эти основы заключают в себе социально-политическую мудрость для мира людей. Этот логический круг замыкается словами апостола Иакова о том, что *«мудрость, сходящая свыше... полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна»* (Иак. 3: 17).

Такого рода мудрость благотворна и для отдельного человека, и для целого народа: *«Человек милосердный благотворит душе своей, а жестокосердый разрушает плоть свою»* (Притч. 11: 17). Творец прямо и недвусмысленно говорит венцу Своего творения о том, что именно милосердие формирует человека как личность, пред Ним предстоящую, и определяет основной принцип благословенной жизни для каждого народа и для всего мира людей в целом.

Для святителя Иоанна Златоуста († 407) эта истина была настолько прозрачной и ясной, что он учил о милосердии как об отличительном качестве человеческой природы вообще: *«Человек более всего должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком... Кто не имеет милосердия, тот перестаёт быть человеком. Оно делает мудрыми... Оно есть признак божества... Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердными, а особенно потому, что мы и сами имеем великую нужду в милосердии».*

В русской народной речи есть грустный, но очень глубокомысленный исторический совет: *«От сумы и от тюрьмы не зарекайся».* При всей его кажущейся простоте, это присловье в течение многих веков не только звучит как призыв к осторожности, но и воспринимается в национальной жизни именно как призыв к милосердию.

Это очень важное русское народное качество совпадает с развернутым определением христианского милосердия, которое принадлежит святителю Василию Великому († 379): *«Милосердие есть болезнование о страждущих сверх меры их вины и сострадание к ним. Милосердуем о том, кто из великого богатства впал в крайнюю нищету, кто из крепкого телесного здоровья перешел в крайнее изнеможение, кто прежде восхищался красотой и свежестью своего тела, и потом поврежден обезображивающими болезнями. Поскольку и мы некогда были славны в райском состоянии, а по причине падения стали бесславны и унижены, то Бог нас милует, видя, какими мы были и какими мы сделались».*

Противоположным состояние — это черствость души, жестокость сердца и озлобленность ума. В Священном Писании они напрямую связываются с духовным упрямством и противлением Богу (Иез. 2: 4; Мк. 16: 14). Мало того, что это состояние мучительно для человека и разрушительно для его личности: оно к тому же искажает человека, развивая в нем эгоизм, лживость, коварство, тщеславие, зависть, вероломность, грубость.

В истории Церкви, христианских народов и особенно — в хрониках миссионерской деятельности восточных и западных христиан при желании можно найти абсолютную закономерность в том, что успешный или трагический результат прямо зависит от следования принципу милосердия или от его забвения.

Словно предвидя трагические ошибки христиан будущих времен, святитель Григорий Богослов († 389) еще в четвертом веке настаивал на том, что милосердие — это закон христианской жизни. *«Не думаешь ли ты, что человеколюбие есть для*

тебя не необходимость, а дело произвола, — не закон, а совет?», — строго вопрошает он и нас, христиан третьего тысячелетия от Рождества Христова.

Два вида милосердия

На христианском Востоке издавна различают два вида милосердия — телесное и духовное.

Дела милости, которая оказывается телу, — накормить голодного, одеть нагого или имеющего недостаток в одежде, посетить больного и заключенного, с христианским достоинством погresti тех, кто умер в нищете.

Милость, оказываемая духу, или душе человека — это исправление грешника, по слову апостола Иакова о том, что «*обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов*» (Иак. 5: 20); это научение истине и добру, это чистосердечный совет и предупреждение об опасности, это утешение в скорбях, искренне прощение, молитвы о других людях.

Две формы милосердия

С древнейших времен в Церкви утвердились две формы милосердия, восходящие к практике Деяний святых Апостолов: индивидуальная и общественная.

Христианин, руководимый чувством сострадания, спешит на помощь нуждающемуся. Это — частная, индивидуальная помощь (Деян. 3: 1–10). Другой вид состоит в том, что несколько людей, вся община или вся Церковь основывают общество и собирают то, чем желают помочь бедным, чтобы из этого общего хранилища оказывать содействие нуждающимся по мере их потребностей и своих возможностей (См.: Деян. 2: 44–45).

Яркие образцы обеих форм милосердия сохранились в церковной письменности. Вспомним жития Мартина Милостивого († ок. 400), Олимпиады диакониссы († ок. 409), Филарета Милостивого († ок. 792), которые были прославлены Церковью за бескорыстное сострадание к людям; вспомним святителя Иоанна Милостивого, архиепископа Александрийского († 619), который в VII веке сумел организовать ежедневное кормление около восьми тысяч человек.

Впрочем, полемика о том, какой из этих форм милосердия следует отдать предпочтение, продолжалась и в XIX веке, пока, наконец, не был окончательно сделан вывод о высоком нравственном значении обоих видов милосердия и соответствующих им форм благотворительности.

Автор пособия «Православное нравственное богословие» протоиерей Иоанн Халколиванов († 1882) так резюмировал итоги дискуссии: «Если бы все христиане вообще и, в частности, бедные были честны, искренни, богобоязненны и расположены к одному доброму и благочестивому, то надлежало бы предпочесть благотворительность индивидуальную, ибо она, как не связанная никакими... правилами и формами представляет для бедных ничем не заменимое свойство — иметь вовремя нужную помощь».

Но поскольку опыт показывает, что не у всех бедных людей и не всегда можно найти добрые христианские качества, и напротив, многие из них злоупотребляют милосердием, предаваясь праздности, тунеядству и разным порокам, то во избежание этого зла и для его прекращения следует предпочесть общественную благотворительность».

О традиционных видах милосердия и благотворительности говорится и в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви: «Заповедь Божия пове-

левать трудящимся заботиться о людях, которые по различным причинам не могут сами себе зарабатывать на жизнь... и делиться с ними плодами труда.

...Продолжая на земле служение Христа, Который отождествил Себя именно с обездоленными, Церковь всегда призывает общество к справедливому распределению продуктов труда, при котором богатый поддерживает бедного, трудоспособный престарелого. Духовное благополучие и самосохранение общества возможны лишь в том случае, если обеспечение жизни, здоровья и минимального благосостояния всех граждан считается безусловным приоритетом при распределении материальных средств» (13).

Необходимое расположение сердца

Еще древние святые отцы обращали особое внимание на расположение сердца, с которым совершаются дела милосердия, и указывали несколько важных нравственных позиций, с которых деяние становится благим и угодным Богу:

Любая помощь нуждающемуся должна оказываться из собственного имущества, а не из имущества других. Это требование было твердым уже в ветхозаветные времена: *«От имений твоих твори милостыню»* (Тов. 4: 4), — говорится в книге Товии.

Было бы большим заблуждением полагать, что Бога можно умиловить из имущества и средств, отнятых у бедных. *«Кто приносит жертву от неправедного стяжания, того приношение насмешливое, и дары незаконных неблагоугодны»* (Сир. 34: 18), — учит Иисус, сын Сирахов и к тому прилагает потрясающее сравнение: *«Что заколающий на жертву сына пред отцем его, то приносящий жертву из имени бедных»* (Сир. 34: 20). Это серьезная духовно-нравственная коллизия, своевременная во все века. Она возникает в обществе тогда, когда внешнее раскаяние совершается без исправления причиненного зла, а показное благочестие — из политического расчета.

Второе важное качество благотворительности состоит в том, что ее нужно осуществлять охотно и без промедления. Для святого апостола Павла только добровольная милость и является благословенной: *«Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог»* (2 Кор. 9: 7).

«Милостыня является таковою только тогда, — читаем у святителя Иоанна Златоуста, — когда ты подаешь её охотно, щедро; когда ты думаешь, что не даёшь, а сам принимаешь; когда ты признаешь её для себя благодеянием и приобретением, а не потерей. Тот, кто оказывает другому милость, должен радоваться, а не печалиться» (16).

Третье свойство милосердия — бескорыстие. Благодеяние ближнему не ожидает награды и благодарности, и потому совершается без помпезности и рекламы. *«Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне, — поучает Спаситель. — И Отец твой, видящий тайно, воздаст тебе явно»* (Мф. 6: 3). Тот же Златоустый Константинопольский архиепископ так истолковывает эту заповедь: *«Знай, что в тебе живет ветхий греховный человек, который действует в твоих помыслах и пожеланиях. Укрой же от ветхого человека то, что творит в тебе новый человек — твоя совесть, просвещенная светом Евангелия и подкрепляемая духом Божиим. А потому: сделай доброе дело и тотчас же постарайся... забыть о нем».*

Четвертое свойство милосердия — нелицеприятие. Оно должно обнимать всех нуждающихся без исключения — христиан и нехристиан, родных и чужих, добрых

и злых, друзей и врагов. «*Благотворите ненавидящим вас... Да будете сынами Отца вашего Небесного, — говорит Господь, — ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных*» (Мф. 5: 44–45).

Поступая так, человек оказывает помощь в высшем смысле не столько ближнему, сколько сам себе. Потому что этим он преодолевает себялюбие, которое особенно сильно действует в поврежденной грехом и человеческой природе человека. Себялюбие убивает искренность, и вслед за ней умирает и способность сострадать другому человеку. А в чем нет искреннего сострадания, в том нет ни смысла, ни содержания христианской любви.

Пятое и, я бы сказал, методологически важное свойство благотворительности — это посвящение Богу каждого своего дела. Именно при таком подходе любое благодеяние достигнет своей высшей цели, вне зависимости от того, большое оно или малое. Ведь значимость доброго дела измеряется прежде всего расположением сердца, а никакое доброделание не может быть успешным без обращения к Богу.

«Извольте законом иметь, — строго наставляет нас святитель Феофан, затворник Вышенский († 1894), — всякое дело Богу посвящать в самом его зародыше, к Богу обращать его во время производства и у Бога просить сил на совершение его. Потом, закончив, и благодарение Ему же воздать...» (20).

Впрочем, во все времена люди находили аргументы в оправдание своей бездеятельности в сфере милосердия. Проходили тысячелетия, а эти оправдания всегда были одними и теми же: у нас самих нет излишков; мы — люди не богатые; если всем помогать, так и сам придёшь в нужду; милосердием других многие злоупотребляют; нам надо прежде подумать о своих, а потом уже давать другим... И так далее в меру своего хитроумия.

И с древности звучали ответы духоносных отцов на эти доводы. Приведу мнение преподобного аввы Дорофея, который в VI веке обобщил мысли своих предшественников:

«Никто не может сказать: «Я нищ, и мне не из чего подавать милостыню»... дай две лепты, подобно убогой вдовице. Если и того не имеешь, можешь... служением оказать милость немощному брату... Можешь словом утешить брата своего... Можешь, когда огорчится брат твой... потерпеть во время его смущения. Можешь также помиловать его и простить ему грех его... и таким образом, не имея чем оказать милосердие телу, милуешь душу его. А какая милость более той, чем помиловать душу?...» (22).

Благотворительная деятельность в Белорусском Экзархате

Как известно, в течение почти семи десятилетий в советский период Православная Церковь, как и другие церковные организации, не могла вести никакой благотворительной деятельности, поскольку таковая была запрещена тогдашним законодательством. Помогать ближним могли только сами прихожане и священнослужители. И эта деятельность никогда не прекращалась, потому что она естественно и безусловно поддерживалась в те десятилетия внутренним строем церковной жизни.

После обретения свободы в начале 90-х годов произошел настоящий взрыв активности наших верующих. В приходах начали возникать братства, сестричества, молодежные группы, которые ставили своей целью именно оказание благотворительной поддержки нуждающимся. А нуждающихся, как известно, во времена перемени всегда становится в избытке...

Добровольное движение милосердия стало для мирян формой осознания своего места и своего значения в мистическом теле Церкви. Всего к нынешнему времени насчитывается около 100 сестричеств милосердия. Для поддержания и развития их деятельности в Белорусском Экзархате создан Союз сестричеств, благодаря которому во многом стихийное движение обрело форму и статус системно организованного и научно скоординированного процесса.

С целью разработки моделей главных направлений благотворительной деятельности нам удалось создать три экспериментально-практических центра на базе больших столичных общин: прихода в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», Свято-Елизаветинского женского монастыря и Дома Милосердия в приходе в честь Всех Святых.

Сестричество Скорбященского прихода совершенствуется в вопросах патронажа инвалидов и престарелых на дому, психофизической реабилитации детей-инвалидов и людей с ограниченными возможностями, санитарной работы в больницах, разнообразной помощи детям-сиротам и людям без определенного места жительства.

Диаконическая служба этого прихода занимается опекой одиноких тяжелых, больных, не имеющих иной помощи.

Социальная приходская столовая организывает горячие обеды для бездомных, одиноких инвалидов и малообеспеченных престарелых людей. Для тех нуждающихся, кто в состоянии самостоятельно приготовить еду, формируются корзины необходимых продуктов.

В Свято-Елизаветинском женском монастыре, расположенном близ Республиканской психиатрической клинической больницы, накапливается и распространяется опыт ухода за больными с нарушением психики, опыт приобщения их к церковной жизни и главное — к Святым Таинствам Церкви Христовой.

Эта обитель имеет обширное сельскохозяйственное подворье: здесь получают возможность жить и трудиться люди, освободившиеся из мест заключения или желающие избавиться от порока винопития.

В Доме Милосердия, который представляет собой высокотехнологичный медицинский центр, сестры милосердия учатся уходу за престарелыми и неподвижными пациентами, а также организации культурного досуга инвалидов.

Я назвал лишь три из множества примеров, которых немало в одиннадцати епархиях, составляющих Белорусскую Православную Церковь. Впрочем, едва ли вы ждете от меня статистических данных, да и не они составляют цель служения милосердия современной Церкви в современном мире.

Думаю, что не ошибусь, если назову главной задачей служения милосердия исполнение того, что устами царя Соломона Бог сказал каждому человеку: «Сын мой! отдай сердце твое Мне» (Притч. 23: 26).

Благодарю за внимание.

+Филарет

Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси

4 мая 2010 года,

Община Святого Эгидия, Рим

Милосердие как основа социального служения

*Елена Зенкевич,
Исполнительный Секретарь
Союза сестричеств милосердия
Белорусской Православной Церкви*

*В вопросах веры и надежды люди расходятся,
но все человечество едино в милосердии.*
Александр Поуп

Милосердие, благотворительная деятельность являются древнейшей нравственной и гуманистической традицией. Традиция помощи старым, больным, инвалидам, людям, оказавшимся в беде и не могущим самостоятельно ее преодолеть – это неотъемлемая часть нравственной культуры, общественных норм всех цивилизаций. Они существовали до становления национальных и мировых религий, а с возникновением последних вошли органической частью в освящаемые Божественным авторитетом нравственно-этические системы всех религий.

Общественное развитие вносило свои коррективы в содержание и трактовку понятий «милосердие», «благотворительность», «призрение». Они исторически менялись, как изменялись масштабы и формы милосердной практики. Но неизменным было понимание того, что порою такие беды и немощи постигают человека, которым не каждый может самостоятельно противостоять и не до каждого в нужное время доходит забота государства. Поэтому им необходимо милосердное содействие со стороны тех, кто в состоянии (материально и духовно) добровольно осуществлять благотворение.

Надо учесть, что писать о милосердии, о деятельной добродетели очень трудно, потому что Господь велел совершать эти дела втайне. Мы не знаем о многих добрых людях не потому, что их нет или о них не пишут, а потому что очень многие скрывают, не выставляют свои дела напоказ, не рассказывают о себе.

Основные понятия: милосердие, призрение, благотворительность

Старец Иосиф, обитающий в Ватопедском монастыре на святой горе Афон, беседа с русскими паломниками, сказал: «...Мир устал от слов... Самая важная миссия сегодня – это деятельная жизнь...».

Когда я обратилась к словарям, чтобы найти определения понятий «милосердие», «призрение», «благотворительность», то с удивлением отметила, что эти определения имеют очень деятельный характер и в формулировках преобладают глаголы и прочие глагольные формы.

В словаре русского языка С.И. Ожегова милосердие – это готовность помочь кому-н. или простить кого-н. из сострадания, человеколюбия.

Российский Энциклопедический Словарь «Социальная работа» в главе «История социальной работы» дает следующее определение:

«Милосердие – одна из важнейших христианских добродетелей, исполняемых посредством дел милостей телесных и духовных.

Под делами милостей телесных понимаются:

- питать алчущих,
- напоить жаждущего,
- одеть нагого,
- посетить находящегося в темнице,
- посетить больных,
- странника принять в дом и успокоить,
- погребать умерших в убожестве.

Делами милостей духовных являются:

- обратить грешника от заблуждения,
- несведущего научить истине и добру,
- подать ближнему добрый совет,
- молиться за него Богу,
- утешить печального,
- не воздавать за зло, причиненное другими,
- от сердца прощать обиды» [13,107].

На милосердии, которое является социально-психологическим феноменом потребности и мотивации в осуществлении взаимопомощи, базируется благотворительность – проявление сострадания к ближнему, нравственная обязанность имущего оказать помощь неимущему; деятельность по оказанию нуждающимся материальной, лечебной, духовной помощи. Благотворительность милосердна только тогда, когда она обращена к сердцу страждущего человека, а не только направлена на удовлетворение его материальных нужд.

Призрение – понятие, которое появляется в 17 веке и имеет следующие смысловые значения:

- видение;
- благосклонное внимание, отношение, покровительство;
- присмотр, забота, попечение; удобство.

В активной профессиональной лексике 19 столетия употребляется в виде словосочетания «общественное призрение», что обозначает организованную систему помощи со стороны государства или общества нуждающемуся населению. Система общественного призрения в 19 веке была представлена Министерством внутренних дел, земскими и городскими управлениями, учреждениями Императрицы Марии, Императорским Человеколюбивым обществом, попечительствами о бедных различных ведомств, частными благотворительными обществами (историческая парадигма помощи – модель защиты и поддержки нуждающихся).

Также существует и **мирское призрение** – территориальная система помощи в 19 веке, осуществляемая волостными обществами, основными видами помощи которого является призрение сирот, инвалидов, больных, бедных; попечение умалишенных.

В словаре Ожегова глагол «**призреть**» понимается как «дать кому-нибудь приют и пропитание» [10,480].

И, конечно же, понятия «**благотворение**» и «**благотворительность**», в самом своем звучании несущие призыв к созидательному действию — творению добра, благодеяния, добро-делания.

Благотворительный труд — один из способов перестать думать только о себе и почувствовать связь с другими людьми. Это противоположность эгоцентричной враждебности. В штате Мичиган в течение 10 лет длилось исследование, охватившее 3000 человек. Смертность среди тех людей, которые регулярно занимались благотворительным трудом, оказалась в два с половиной раза ниже, чем среди тех, кто этим не занимался...

В контексте рассказа о благотворительности интересно узнать происхождение слова «богатство». Удивительно, но не только в славянских языках входит оно в широкий круг слов, связанных общим корнем «Бог»: божественный, богоподобный, богоданный. За этими совпадениями, очевидно, стоит многовековая вера человека в высшие силы: источником своего богатства человек склонен был видеть не только самого себя и собственный труд.

Заповедь «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» становится исходным постулатом в христианской концепции помощи ближнему, наиболее полно проявляющееся в благотворительной деятельности христиан.

Историко-культурные предпосылки становления идей милосердия

Предпосылки благотворительной деятельности, вдохновляемой идеями милосердия, гуманности, человечности уходят в первобытно-общинный строй, в первобытный коллективизм. Это подтверждается сведениями из многих наук: истории, археологии, антропологии, этнологии, философии. Еще Ч.Дарвин отмечал, что человек сохранил с отдаленных времен некоторого рода инстинктивную любовь и сочувствие к своим сородичам.

Уже в первобытном обществе стали складываться различные нормы взаимной помощи, которые оказали громадное влияние на последующее развитие человеческого общества. Отношения взаимопомощи, чувство сострадания к немощным были отмечены у неандертальцев. При раскопках были обнаружены останки двух особей, которые смогли прожить более двух лет после тяжелого ранения, исключительно благодаря заботе других членов группы.

Взаимопомощь, поддержка, проявление гуманности в отношениях к сородичам — все, что потом стало называться проявлением милосердия, было присуще людям, жившим в родоплеменном обществе. Известный русский путешественник В.К.Арсеньев, описывая быт и нравы охотников из племени удэге на Дальнем Востоке, отмечал: «Внимание к чужим интересам, к чужой нужде в нем так же развиты, как и забота о своей семье». «Убьет ли он на охоте оленя, поймает ли рыбу, привезет ли домой муку — он не отдаст всего этого семье, он непременно поделится со всеми» [1, 87].

Русский мыслитель П.А.Кропоткин писал, что при родовом строе «отказать сородичу или даже чужеземцу-страннику в убежище или же не разделить с ним трапезы всегда считалось и по сию пору считается преступлением... Случайно обедневший бурят по праву кормится у каждого из своих сородичей по очереди... жители Огненной земли, африканские готтентоты и все другие «дикари» поровну делят между собой всякий кусок пищи, полученной в подарок» [9, 13-14].

С возникновением классового общества и появлением древнейших цивилизаций в Древнем Египте, Китае, Индии понятия гуманности, человечности, милосердия наполняются новым содержанием и входят в состав нравственных кодексов всех религий.

Эти идеи можно найти у мыслителей Древнего Египта в социальной этике Конфуция и Лао-Цзы, Будды и Заратустры.

У древних египтян существовало представление о милосердии как бескорыстии и вспомоществовании нуждающимся. Письменные источники по Древнему Египту донесли до нас слова вельможи Пиопинахта: «Я давал хлеб голодному, одевал нагого», а в «Поучении Птахотепа» говорится: «Не будь алчен по отношению к родичам своим, мольбы кротких могущественнее силы» [9, 14]. У древних египтян уже имеется представление о милосердии – «вспомоществование» и «бескорыстие».

В древнекитайской цивилизации, насчитывающей около трех тысячелетий, любовь к ближнему, взаимоуважение и поддержка были одними из важнейших нравственных заповедей. Это входило у древних китайцев в понятия «гуманность», «справедливости и долга», разработанных великим китайским мыслителем Конфуцием. Они органически входили в китайскую этическую систему «пяти постоянств», обозначавших гуманные отношения между ближними: «отцовская любовь, сыновняя почтительность, дружественное отношение старшего брата к младшему, почтительное отношение младшего брата к старшему, согласие между супругами». Чувством гуманности и милосердия пронизано разработанное Конфуцием учение о сыновней почтительности. Почтительный сын должен всю жизнь преданно заботиться о родителях, прислуживать и угождать им, чтить их при любых обстоятельствах. Примеры сыновней почтительности, милосердного отношения к родителям собраны в сборнике «24 примера сяо», на которых воспитываются подрастающие поколения китайцев.

Согласно Конфуцию, «сыновняя почтительность и уважение к старшим – это и есть корень милосердия». «Как может благородный муж добиться имени, если отвергает милосердие?! Благородный муж даже на время трапезы не забывает о милосердии». Конфуций считал, что «лишь милосердный человек умеет и любить людей и ненавидеть», что «если стремиться к милосердию, не будет зла» [9, 15].

Традиции милосердия, гуманного отношения к ближнему, сострадания были присущи духовной культуре древней Индии. В гимнах «Ригведы» имеются такие слова: «Богатства подающего не уменьшаются... Тому, кто, имея пищу, пожалует ее для слабого, просящего подаяния, кто не внемлет страждущему, пришедшему к нему (за помощью), и кто занимается (только своими собственными удовольствиями) перед лицом страждущего, — тому человеку не будет утешения» [9, 15]. Доброделитель — это повиновение закону Божию, включающее в себя любовь к человеку.

С возникновением религий, сначала национальных, а впоследствии мировых, забота о больных и нищих, призрение сирот, облегчение участи униженных и оскорбленных, словом все акты милосердия и благотворительности, проявления гуманности стали рассматриваться как религиозно обязательные поступки.

Идеи милосердия, гуманности и практика благотворительности были известны древним евреям, что нашло отражение в Ветхом Завете — религиозном и культурно-историческом памятнике, признаваемом и христианством. « О человек! Сказано тебе, что добро, и что требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудро ходить пред Богом твоим» (Мих. 6, 8) [2, 884].

Пророки VII в. д.н.э. Амос и Осия, о которых говорится в соответствующих книгах Ветхого Завета, были основателями этики человечности в иудаизме. Анализ би-

блейских текстов и ветхозаветной традиции показывает, что уже в начале второго тысячелетия до н.э. евреи, как и многие родственные им семитские племена Аравии и Палестины, имели представление о благотворительности. У них существовали нравственные нормы о необходимости сочувствия ближнему, оказания ему нравственной и материальной поддержки. По утверждению авторов Краткой еврейской энциклопедии, благотворительность является одним из основных предписаний иудаизма. «Милость и истина да не оставляют тебя; обвяжи ими шею твою, напиши их на скрижали сердца твоего» (Притч.3,3) [2,597]. Ветхий Завет содержит несколько законов, предусматривающих своего рода налогообложение в пользу бедных. В них подчеркивается необходимость не забывать о нуждающихся в праздничные дни, не забывать о бедняках и пришельцах, поскольку сами евреи, исходя из Египта, нуждались в помощи. Благотворительность приветствуется даже в отношении личных врагов: «Если найдешь вола врага твоего, или осла его, заблудившегося, — приведи его к нему. Если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, то не оставь его: развяжешь вместе с ним» (Исх. 23, 4-5) [2,76].

В Талмуде благотворительность обозначается словами цдака (буквально: праведность или справедливость). Бедный имеет право получать, а состоятельный человек должен давать. В Талмуде в мельчайших подробностях расписаны правила благотворительности: кто и каким образом обязан заниматься ею, кто имеет право пользоваться, каковы размеры помощи в благотворительных целях. В пользовании благотворительностью женщины имеют приоритет перед мужчинами. Бедному родственнику надо оказать помощь раньше, чем постороннему бедняку. Бедняки своего города имеют предпочтение перед бедными из других городов.

Отчисление десятой части состояния на благотворительные цели считалось «посредственной» добродетелью, а двадцатой части и меньше — скупостью. В то же время не советовали расходовать на благотворительность больше одной пятой части состояния, чтобы самому не обеднеть и не начать пользоваться благотворительностью других. Нельзя делать так, чтобы благотворительность воспринималась как нечто позорящее человека: лучше, чтобы тот, кто пользуется благотворительностью, не знал о том, кто ее дает.

Последователи иудаизма создавали специально благотворительные кассы. Бедные состояли на учете в этих кассах. Касса служила для выкупа пленных и обеспечения приданного бедным невестам. Создавались также специальные столовые для бедных.

Со временем утвердились следующие направления социальной помощи в иудаизме:

- 1) денежные выдачи через благотворительную кассу;
- 2) помощь продуктами питания;
- 3) выдача одежды;
- 4) забота о погребении.

Средства на благотворительные цели поступали из различных источников: налоги на членов общин, пожертвования, наследства, завещания на цели благотворительности, штрафы, арендная плата за пользование имуществом общины.

Позднее у евреев возникли специальные общества, которые занимались благотворительностью. В России отделение кагала, занимавшееся благотворительностью, часто называли цдака гдола («великая благотворительность»). Одной из форм проявления благотворительности у древних евреев была практика прощения долгов, расторжения долговых обязательств. Это повторялось в каждый Великий юби-

лейный год (раз в 50 лет). Еврейскими властями предприняты были специальные мероприятия для сбора и распределения милостыни среди народа, сбор пожертвований для бедных составлял важную часть синагогального богослужения.

Идеи милосердия, взаимоподдержки, благотворительной деятельности получили свое развитие в духовной культуре античного мира. В древней Греции считалось долгом поддерживать бедных, потому что эти нуждающиеся состояли в родстве или были так называемыми клиентами тех семейств, предки которых были основателями города-государства. Но не только близкие, родственные отношения между людьми способствовали развитию милосердия в городе-государстве. Общественное воспитание гуманности, взаимопомощи и солидарности стало определяющим фактором в формировании идей милосердия. Помощь бедным гражданам в городе-государстве являлась не только политической задачей, но и проявлением милосердия и сострадания человеку. Великий древнегреческий философ Демокрит утверждал: «Когда имущие решаются давать займы, помогать и оказывать благодеяния неимущим, то в этом уже заключено и сострадание, и преодоление одиночества, и возникновение дружбы, и взаимопомощь, и единомыслие среди граждан, и другие блага, которые никто не может исчислить»[9,17].

Понятие «**благо**» впервые появилось у античных философов, которые понимали его как цель деятельности человека.

Античная мифология создала удивительно поэтические символы нравственности и щедрости, воплотив их в образы трех прекрасных девушек – Харит (Граций). Мать девушек Эвринома – «славная дочь океана с прелестным лицом». В ее имени соединены два греческих слова – «широкий» и «раздавать». Харита в переводе с греческого означала «милость», «добро».

Греческие поэты полагали, что чудесные красавицы олицетворяют тройственность добрых дел: одна дает благодеяние, другая принимает, третья возвращает обратно.

Хариты сплели руки и обратили лица друг к другу. Это символ того, что благодеяния, переходя из рук в руки, в конце концов вновь возвращаются к благотворителю. Хариты улыбаются, потому что лица тех, кто дает или принимает пожертвования, обыкновенно радостны. Хариты юны, т.к. воспоминание о человеческой щедрости не должно стареть. В жертвованиях не должно быть ничего темного, скрытого, поэтому грации обнажены или одеты в просторные прозрачные туники, «ибо благодеяния требуют, чтобы их видели», пишет римский философ Луций Аней Сенека [16, 28].

Хотя история и не оставила нам имя первого спонсора или благотворителя, можно смело утверждать, что дело это давнее.

В связи с этим особого внимания заслуживает человек, имя которого в истории прочно связалось с благотворительностью и даже стало нарицательным, – Гай Цильний Меценат.

Для нас, современных людей, слово «меценат» стало настолько привычным, что с ним почти не связывается реальный человек, носивший эту гордую римскую фамилию. А гениальность римского патриция состояла в том, что он понял возможности искусства в формировании общественного мнения.

Поддержка бедных была одной из важнейших забот в греческих городах-полисах. Часто устраивались раздачи неимущим гражданам припасов и денег. Перикл даже раздавал деньги нуждающимся гражданам на посещение театров и народных собраний. Это был обычай, общий для всех демократических городов-государств. В Древней Греции особое внимание уделялось уходу за больными в так называемых

«ятрейях». В то же время принимались меры для призрения военных инвалидов, которые вместе с семейством содержались за счет государства.

Демократическое устройство требовало новой, необходимой и обязательной системы милосердной деятельности, в основе которой было попечительство над бедными. Так, с усложнением города-государства изменяется институт благотворительной деятельности и объект этой деятельности. Если первоначально получали припасы и деньги лишь полноправные граждане, то впоследствии эти задачи были распространены на всех свободных бедняков без различия.

Полис породил новое представление об истоках милосердия, которое следует искать, по утверждению стоиков, представителей одной из античных философских школ, в первом естественном побуждении человека – стремлении к самосохранению. В силу разумной природы человека это «расположение к себе» распространяется и на других людей, и на все человечество. Эти утверждения стоиков следует рассматривать как один из первых концептуальных подходов к милосердию.

Стоики в античном Риме (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий) высказывались за необходимость братского, сострадательного отношения к рабам. Сенека, написавший императору Нерону письмо «О милосердии», высказался против бесчеловечности гладиаторских боев. «Хотя в отношении раба все дозволено, – писал Сенека, – тем не менее, есть нечто такое, что общим правом каждого живого существа определяется как недозволенное в отношении человека, потому что его природа такая же, как и твоя» [7,18]. В нравственных письмах к Луцилию Сенека писал: «Будь милосерден с рабом, будь приветлив, допусти его к себе и собеседником, и советчиком, и сотрапезником» [9,18].

Благотворительная деятельность в древних Греции и Риме оформляется в институт вспомоществования бедным, попечения военных инвалидов, больных. Однако с увеличением имущественного неравенства, пауперизации свободных ремесленников и землевладельцев только бедные граждане имели право жить за счет казны. Тит Ливий сообщает, что бедные граждане Рима имели право жить за счет казны, причем их нельзя было использовать на «грязных низких работах и ремеслах». Римляне военным инвалидам давали земельные участки и назначали в их пользу часть добычи, а впоследствии денежное содержание.

Особое внимание в античном Риме уделялось благотворительной помощи и призрению осиротевших и покинутых детей, детей бедных родителей, которых много появилось на закате Римской империи. Эта помощь осуществлялась на государственном уровне. При императорах Нерве и Траяне различные поместья скупались государством и отдавались в аренду или получали ссуду под залог земли. Полученный доход шел на воспитание детей, особенно сирот. Одновременно с государственной благотворительностью существовала муниципальная. Самое старое благотворительное учреждение было основано при императоре Августе (30 год д.н.э. – 14 г. н.э.).

В эпоху Траяна были основаны многочисленные благотворительные учреждения. Развивалась частная благотворительность. Одна богатая римлянка, Целия Макрина из Террацины, у которой умер сын, пожертвовала миллион сестерциев, на проценты с которых должны были содержаться сто мальчиков и столько же девочек.

Плиний Младший создал в 97 году особый благотворительный фонд, в который поступали годовые доходы с имения, стоившего 500.000 сестерциев. Фонд был предназначен для бедных детей.

Однако идея милосердия, помощи бедным отнюдь не встречала однозначной поддержки. Например, Гораций подвергает осмеянию «грязную бедность». Проти-

воположным было мнение Цицерона, который считал, что «нет ничего согласного более с природой человека, чем благотворительность. Тем самым Цицерон указывает на милосердие, как на отличительную черту человека. Основой благотворительности, по его утверждению, является справедливость, способствующая «уравновешиванию благодеяний», чтобы они «не повредили другим и не причинили зла тем, которым мы желаем благодетельствовать» [3,15], Цицерон выступает с резкой критикой благотворительности тех частных лиц, которые рассчитывают на выгоду. «Это лицемерие гораздо более связано с детским тщеславием, чем с благородными и добродетельными чувствами» [3,16].

Эпиктет в своих проповедях требует раздачи имущества в пользу бедных. По его учению, в природе человека заложено стремление оказывать благодеяние и помогать людям. Сострадание Эпиктет отбрасывает, как болезненный аффект печали. Стремление к помощи и спасению людей вытекает не из сострадания, но из познания прав и обязанностей.

Благотворительность занимала видное место в деятельности предшественников христианских общин, например, кумранитов. Об этом свидетельствует изучение рукописей, найденных в 1947 году в окрестностях Мертвого моря, в частности Дамасского документа, повествующего о социальной и религиозной жизни членов кумранских общин. Социальная этика кумранитов, живших во II веке до н.э. – I веке н.э. предписывала, чтобы «каждый любил брата своего, как самого себя», стремился «поддерживать руку бедного, нищего и прозелита» [9,19]. В общине существовал специальный фонд, состоящий из отчислений в размере двухдневного заработка и предназначенный для помощи старикам, больным, осиротевшим девицам.

Идеи милосердия, сострадания и помощи неимущим вошли органической частью в вероучение ислама. В исламе милость и милосердие рассматриваются как важнейшие качества-атрибуты самого бога. Главная вероучительная книга ислама – Коран – требует от мусульман проявлять милосердие по отношению ко всем слабым, беззащитным, нуждающимся в помощи – к рабам, сиротам, старикам, путникам, должникам. В ней предусмотрена целая система мер, приучающих человека делиться даже самым необходимым с теми, кто оказался в затруднительном положении – начиная от доброхотного подаяния до ежегодного «очистительного налога» на имущество правоверных, сборы от которого идут в фонд поддержки нуждающихся. На протяжении столетий религиозные общины, а в исламских государствах и соответствующие чиновники строго следили за исполнением этих предписаний.

Дальнейшее развитие идеи милосердия и благотворительной деятельности получили в христианстве. Христианство, возникшее в эпоху кризиса Римской империи, воспользовалось в своем учении о милосердии эллинистическими идеями о гуманном отношении к человеку. Как отмечал К.Каутский, христианство «развило мораль, которая стоит выше античной, поскольку принесло с собой возвышенную гуманность, бесконечное сострадание, которое одинаково распространяется на все, что носит человеческий образ, на низших и высших, на своих и чужих, на врагов и друзей...» [7,148].

Развитие идеи милосердия и призрения в христианстве

Помощь страждущим с евангелических времен была одним из основных направлений христианского служения ближним ибо сам Господь Иисус Христос примером своей земной жизни показал, что Он понимал проповедуемую им любовь к ближнему не в переносном, а в самом буквальном и реальном смысле.

Христианская диакония началась одновременно с проповедью апостолов о Христе и сошествием Св. Духа на первую христианскую иерусалимскую общину в День св. Пятидесятницы, когда «все верующие были вместе и имели все общее ... и разделяли всем, смотря по нужде каждого» ... так что «у множества уверовавших было одно общее сердце и одна душа, и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее... и не было между ними никого нуждающегося... и каждому давалось в чем кто имел нужду...» (Деян.2,44-45; 4,32, 34-35)[2, 1134, 1155, 1198].

Диакония, служение Христово включает всех: сирот и вдовиц, немощных и немощных, отверженных и грешников. Служение Спасителя выходит также и за национальные рамки: особенно ярко это выражено в притче о милосердном самарянине.

Следует заметить, что начало такого понимания служения Христа содержится уже в Ветхом Завете: «Пришельцу, сироте и вдове должен достаться оставленный на поле сноп. Не должно собирать и остатков в винограднике, чтобы они достались пришельцу, сироте и вдове».

В первых христианских общинах специально назначались служители — диаконы и диаконисы — в обязанности которых вменялась «забота о столах», причем в первую очередь эти «столы» предназначались для нуждающихся и страждущих членов общины.

В первых христианских общинах специально назначались служители — диаконы и диаконисы — в обязанности которых вменялась «забота о столах», причем в первую очередь эти «столы» предназначались для нуждающихся и страждущих членов общины.

В исследовании немецкого историка Адольфа Гарнака: «Миссия и распространение христианства в первые три века»(1924) христианская диакония представляется как Евангелие Любви и Действенной помощи нуждающимся по категориям и видам этой деятельной помощи:

- Поддержка учащихся и служащих в общинах;
- Поддержка (помощь и содержание) вдов и сирот — детей, лишенных семейного попечения;
- Поддержка (помощь, содержание и лечение) больных, бедняков, нищих, беспомощных, беспризорных и нетрудоспособных;
- Заботы о пленных, узниках, заключенных, томящихся и страдающих в тюрьмах, сосланных на тяжкие каторжные работы в шахтах, на рудники и т.п.;
- Забота о погребении бедных, бездомных, одиноких и беспризорных;
- Забота о рабах (вообще) и находящихся в рабском принуждении и угнетении;
- Забота, попечение, участие и оказание помощи пострадавшим во время стихийных бедствий (в т.ч. во время повальных болезней, эпидемий (чумы и т.п.);
- Помощь нуждающимся в нахождении им работы, в их трудоустройстве;
- Забота о странниках и пришельцах из других мест и общин или из дальних стран; помощь им в их делах и оказание им гостеприимства и попечение о них в местной общине, которая всегда по-братски их принимала и заботилась о них.

Более того, члены Церкви соприкасаются со Христом, понесшим все грехи и страдания мира, встречая каждого голодного, бездомного, больного, заключенного. Помощь страждущим есть в полном смысле помощь Самому Христу, и с исполнением этой заповеди связана вечная судьба всякого человека (Мф. 25. 31-46)[2, 1024]. Христос призывает Своих учеников не гнушаться миром, но быть «солью земли» и «светом миру».

Первые христианские общины, действовавшие в Римской империи, выработали новое представление о милосердии. Первоисточником здесь являются новозаветные заповеди, особенно Нагорная проповедь Христа, в которой восславляются кроткие, милостивые и миротворцы (Матф. 5,5-9) [2,1015]..

В своей последней речи в Иерусалимском храме Иисус Христос возвещает, что в Царство Божие будут введены, прежде всего, те, кто были милосердны к людям, терпящим нужду (Матф. 25,31-40).

Идея жертвенной любви и милосердия ярко раскрывается в двух повествованиях Евангелия от Луки. В первом случае – это исповедание Марии Девы, прославляющей в доме Захарии Бога за его милосердие. Здесь речь идет о милосердии-справедливости, верности, самоотдаче по отношению к своему народу (Лк. 1,49-54). Во втором случае – Захария говорит о «милости со отцами нашими», отождествляя божественное милосердие с материнской любовью (Лк. 1,67-79).

Милосердие выражает важнейшую идею христианства: Бог есть Любовь, Боговоплощение – истинное милосердие. Исходным в этом учении является этический постулат, провозглашенный Иисусом Христом (Мф. 5,7): «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» [2,1015]. Идеалом нравственной личности становится человек милостивый, чистый сердцем, миротворец, способный даже врагов своих любить и не противиться злumu. Принцип любви и милосердия возвышается здесь над агрессивностью и злом.

Первые христиане придавали слову «милосердие» смысл прощения и деятельной любви. Это видно по притче о блудном сыне, в которой отцовская любовь сталкивается с непослушанием сына (Лк. 15,11-12). Милосердие, изображенное в этой притче, есть любовь, выражающаяся в прощении и эмоционально-насыщенной заботе, сострадании по отношению к нуждающемуся.

Еще одна притча – притча о милосердном самарянине (Лк. 10, 29-37) – учит людей считать своим ближним всякого другого человека, кто бы он ни был, из какого бы народа ни происходил и какой бы веры ни был.

Любовь людей друг к другу, милосердие способны вывести их из рабского, униженного состояния, в которые ввергли их ненависть и вражда, и сделать друзьями не только между собой, но и с самим Богом. Христианство выдвинуло новый принцип всепрощающей, милосердной любви к ближнему, которая только и делает человека равным Богу.

Идея всеобъемлющего милосердия стала центральной в учении христианской церкви на протяжении всей ее истории. Наиболее полно эта идея проявилась в благотворительной деятельности христиан.

Первые христиане организовывали помощь нуждающимся на дому. Каждая отдельная община являлась единым попечительным органом. Диаконы и диаконисы посещали нуждающихся, больных. «Деяния апостолов» и послания апостолов содержат ценные данные о жизни первых христиан, группировавшихся в маленькие общины и живших в одном доме.

В книге Деяний (9,36-41) и в 1 послании к Тимофею (5,3-16) есть указание на «вдовиц», освящающих себя молитвам и христианской благотворительности. Первые христиане раздавали хлеб нуждающимся, принимали спасавшихся бегством изгнанников, не спрашивая, откуда они являлись, и не интересуясь их национальностью, социальным положением и поведением. Отношения дружбы и братской любви, лежавшие в основе отношений первых христиан, способствовали укреплению общин, подвергавшихся преследованиям администрацией цезарей.

Описывая жизнь раннехристианских общин, один из апологетов христианства Тертуллиан в своей «Апологетике» (150-160 гг.) писал о существовании у христиан специальных касс, в которые каждый верующий делал добровольно свой взнос. «Собранные деньги идут на дела благочестия. Из них ничего не тратится на пиршества..., но все они употребляются на поддержание и погребение бедных, на оказание помощи оставшимся без призора бедным сиротам, мальчикам и девочкам, старикам, которые не могут уже выходить из дома, людям, потерпевшим кораблекрушение и всем сосланным в рудники, на острова или сидящим в тюрьмах» [7,389].

Исторические корни российской благотворительности связаны со становлением и развитием российского государства. Важным источником российской благотворительности была народная традиция взаимопомощи, основанная на здравом смысле и опыте человеческого общежития. Другим важнейшим фактором было христианство, на идеях которого формировалась российская благотворительность.

Как и повсюду в Европе, на Руси Церковь столетиями играла ведущую роль в благотворительной деятельности. По летописным свидетельствам, нигде в средневековой Европе не существовало такой хорошо организованной системы «социальной помощи», как в Киевской Руси.

По призыву Церкви цари и знать поддерживали бедствующих. Помощь оказывалась не только убогим (буквально – близким к Богу), но и самой Церкви, больницам, приютам, позже – учебным заведениям, театрам, художникам.

Период с 1862 года до начала XX века – расцвет российской благотворительности. Начало ему положил царский указ об образовании частных и общественных благотворительных организаций в 1775 году. К 1860 году таких организаций было около 100, за тридцать лет их число перевалило за 2000, а к 1902 году их было уже более 11 тысяч. Лишь 25 процентов бюджетных, как мы сейчас говорим, организаций финансировалось из государственной казны, остальные из средств частной благотворительности и добровольных пожертвований.

Благотворительность по-русски имела свою специфику. Во-первых, более 90 процентов российских благотворителей на рубеже XX века были купцами, Наставля младших братьев, известный богач, купец и меценат П. П. Рябушинский говорил, перефразируя французскую поговорку «знатность обязывает» – в «богатство обязывает».

Не только в России, но и во всем мире хорошо известны имена российских меценатов – П. М. Третьякова, чья коллекция картин дала имя знаменитой галерее, и С. И. Мамонтова, создавшего Московскую частную оперу. Многим известно имя В. А. Хлудова, В. А. Морозовой – дочери текстильного фабриканта и коллекционера, подарившей 50 тысяч рублей на открытие первой в России общедоступной бесплатной библиотеки-читальни им. Тургенева.

Чтобы оценить степень щедрости российских предпринимателей, интересно знать цены того времени: в начале века каменный одноэтажный особняк в Москве стоил 10 тысяч рублей, корова – от 30 до 110 рублей, месячный оклад губернатора составлял 500 рублей, на 30 рублей рабочий мог безбедно содержать семью.

Традиции христианской благотворительности поддерживали и лучшие представители духовенства. Преподобный Сергей Радонежский заповедовал помогать нуждающимся, подавать им милостыню и призывать, любить их христианской любовью, как братьев своих. Преподобный Иосиф Волоцкий не только сам помогает нуждающимся, во время голода, отворив житницы и выдавая питание, но и призывает к милосердию князей и бояр. Старец Серафим Саровский призывал делать добро, считая это важнейшим средством достижения цели истинного христианина

– обретения царствия Небесного: «...всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божьего...Доброе дело иначе нельзя назвать как собиранием, ибо, хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро» [12,3]. В этой последней фразе выражена самая глубинная сущность милосердия и доброты человеческой вне зависимости от религиозности: это приобретение самого человека (собрание), его духовное богатство, ценности, так как, делая бескорыстно другому человеку добро, он достигает блага для своей души. Основная же доктрина христианской этики заключается в достижении мира в себе и вокруг себя, т. е. духовное совершенствование самого себя и мира вокруг себя, что может быть достигнуто не только молитвами и скрупулезным выполнением обрядов, но и в первую очередь добротой, милосердием, честностью, добросовестным трудом.

Благотворительность милосердна только тогда, когда она обращена к сердцу страждущего человека, а не только направлена на удовлетворение его материальных нужд. «Попечение о человеческом здоровье — душевном и телесном — искони является заботой Церкви. Однако поддержание физического здоровья в отрыве от здоровья духовного с православной точки зрения не является безусловной ценностью. Господь Иисус Христос, проповедуя словом и делом, врачевал людей, заботясь не только об их теле, но наипаче о душе, а в итоге — о целостном составе личности», — говорится в Основах Социальной Концепции РПЦ [17, 112].

В современной, в том числе богословской литературе идет дискуссия о путях активизации благотворительной деятельности православия. Некоторые богословы утверждают, что опыт милосердно-благотворительной деятельности Русской православной церкви можно возродить не только благодаря самостоятельному приобретению необходимых знаний, но и при более активном использовании традиционного зарубежного благотворительного движения и идей милосердия. Однако среди православных богословов встречаются и такие, которые оспаривают необходимость такого опыта. Но каким бы путем ни пытались решить эту проблему православные богословы, во всех случаях обращение к идеям и опыту милосердия, какой бы конфессии последний не принадлежал, будет способствовать гуманизации отношений между людьми. Такой подход приветствуется большинством богословов и свободомыслящих. И совершенно справедливо, что само разделение милосердствующих на верующих и неверующих ставится под вопрос, ибо милосердие — это проявление доброты, сострадания, соучастия по отношению к человеку, нуждающемуся в помощи, независимо от его социального происхождения, национальности, цвета кожи, воспитания и мировоззрения.

Русская Православная Церковь всегда указывала на открытость милосердия и преодоление им любых человеческих ограничений. Милосердие обладает свойством или принципом равенства и способно установить отношения любви между членами человеческого общества, базирующиеся на признании и соблюдении каждым индивидом прав других, равноценных его собственным правам.

Концепция милосердия является одной из центральных в православии. Современные православные богословы представляют милосердие как активное вмешательство христиан в земные дела ради уничтожения самих причин страдания. Это во многом новый подход к данной проблеме. Это «вызов укладу жизни, закрепившему социальную, экономическую и расовую несправедливость, вызов нашим инстинктам, вызов основному закону биологической жизни, который предполагает выживание сильнейшего».

Православные богословы выделяют и такой аспект милосердия — оно является не просто состраданием, а есть «высшая созидательная сила, призыв к действию, к человечности». Подобный подход в богословии представляется весьма плодотворным для дальнейшего развития концепции милосердия.

Активное проявление милосердия, считают богословы, — это участие в сораспятии Христу, то есть «жизнь по заветам Христовым, непрестанное болезнование о том, чтобы эти заветы получили свое осуществление в жизни человеческого общества». Только милосердие, ставящее перед собой задачу устранения зла, способствует спасению и нравственному оправданию индивидуальности, вытравляющей из себя эгоизм.

В православии милосердие — это не жалость, это образ жизни целого церковного организма, в котором отсутствуют прагматические критерии. Милосердие — это состояние, когда милосердным человек становится не во имя себя или даже другого, а «ради Христа». В православии проблема спасения решается таким образом, что остается свобода выбора: пути спасения только открыты, но не предначертаны — пойдет ли человек по ним, зависит от него самого. И реальная практика милосердия, жизнь в соответствии с ним, во всей полноте бытия (и разума, и чувств, и воли) как раз и является путем к спасению.

«Человек всего более должен учиться милосердию, ибо оно-то и делает его человеком. Кто не имеет милосердия, тот перестает быть человеком», — пишет святой Иоанн Златоуст.

Заключение

Даже краткое рассмотрение историко-культурных предпосылок и традиций милосердия и призрения показывает, что они являются общечеловеческими ценностями, имеющими глубокий нравственный и гуманистический смысл, связанный со становлением духовности человека. Милосердная практика возникла задолго до появления организованных религиозных и государственных структур, а с появлением последних стала одним из важнейших направлений их социальной политики, ориентированной на обеспечение стабильности общественных структур, предотвращения социальных конфликтов. Со временем эта деятельность получила религиозное освящение. Она закреплена в канонах и заповедях всех религий. Милосердная благотворительная деятельность всегда была одной из самых важных сфер деятельности религиозных организаций различных направлений.

При анализе социальной жизни последних лет выявляется следующая закономерность: разглядеть нужды и боль конкретного человека в состоянии небольшие и динамичные религиозные и общественные организации и объединения. Они обращены лицом к человеку, работают на местах и не ждут, пока обездоленные сограждане придут к ним за помощью. Они сами идут к ним и предлагают свою помощь, с уважением к человеческой личности, в какой бы беде или глубине падения она не оказалась. Но когда общественные и религиозные объединения и организации в содружестве с государственными и негосударственными учреждениями смогут объединиться в совместном решении социальных задач и проблем — социальная сфера в Республике Беларусь сможет достойно решать вопросы социальной защиты народа.

Сегодня, изучая социальную работу лучших благотворительных организаций Европы, необходимо отметить, что основополагающий момент деятельности этих организаций базируется на соответствующем христианском мировоззрении. А это значит, что переживший многие столетия опыт, безусловно, заслуживает определенного внимания специалистов, формирующих новые подходы к вопросам социальной защиты нашего Государства.

Если не видеть в милосердии общечеловеческого содержания, то это понятие вообще теряет свой смысл в качестве важнейшего морального принципа, критерия для оценки решений и действий людей. Поэтому православное учение о милосердии

несет в себе и мирской, и сакральный компоненты. Оно представляет собою общечеловеческую норму и ценность. В светском понимании милосердие также связано с абсолютном, но его мирское понимание близко к «золотому правилу нравственности», гласящему: «поступай по отношению к другим так, как ты бы хотел, чтобы другие поступали по отношению к тебе». Подобные по сути совпадающие идеи позволяют устанавливать сотрудничество во всех сферах милосердной деятельности между людьми различных мировоззренческих ориентации.

«Выше, чем справедливость, есть милосердие», – пишет наш современник и земляк Алесь Адамович.

А гарвардский психолог Дейвид Мак-Клелланд провел серию известных экспериментов, в которых группе студентов демонстрировали короткий фильм о Матери Терезе, проявляющей заботу о больных и умирающих на улицах Калькутты. У этих студентов наблюдалось усиление реакции иммунной системы, которую определяли по уровню слюнного антигена иммуноглобулина. Этот эффект проявлялся вне зависимости от того, что думали студенты о Матери Терезе. Некоторые думали, что она самозванка и ее усилия бесполезны, но их иммунная система все равно реагировала позитивно. Любовь и забота оказывают воздействие на глубинном уровне независимо от нашей сознательной реакции. (Когда студентам показали фильм о варваре Аттиле, содержание антител резко упало!). Мак-Клелланд, кроме того, обнаружил, что способность любить и заботиться о других приводит к уменьшению содержания гормонов, связанных со стрессом, и к повышению уровня помощников подавителя Т-клеток – очень важное соотношение в эффективно действующей иммунной системе. Мы не знаем, каким образом любовь делает это, но существует явное подтверждение, что она это делает...

Ибо «важно не то, сколько вы сделаете, а то, сколько любви вы вложите в свой труд». (Мать Тереза)

В наше время общество возвращается к глубинным традициям народной жизни. Возрождаются традиционные институты благотворительности: возникают общественные благотворительные фонды; при восстанавливающихся и вновь открывающихся церковных, приходах и общинах создаются сестричества милосердия; благотворительность становится нормой жизни для современных предпринимателей. Из глубины забвения возвращаются имена благотворителей.

И для нас важно не быть наблюдателями данного процесса – важно быть его делателем.

Литература

1. Арсеньев В.К. Соч. – Владивосток, 1948
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Russian Orthodox Bible, United Bible Societies, 1991
3. Георгиевский П.И. Призрение бедных и благотворительность. – СПб., 1894
4. Григорьев А.Д. История социальной работы. В 2 ч. Ч.1 (до начала XX века) – Мн.:Тетрасистемс, 2006
5. Григорьев А.Д. История социальной работы. В 2 ч. Ч.2 (с начала XX века) – Мн.:Тетрасистемс, 2008
6. Иеромонах Илларион (Алфеев). Таинство веры. Введение в православное догматическое богословие – М.: изд-во братства Святителя Тихона, 1996

-
7. Каутский К. Происхождение христианства. – М., 1990.
 8. Медведева Г.П. Этика социальной работы – МГСУ, 2002
 9. Милосердие. Учебное пособие по ред. М.П.Мчедлова – М., РОССПЭН, 1998
 10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: изд-во «Русский язык», 1998
 11. Протопресвитер Виталий Боровой. Христианская диакония как проявление христианского свидетельства в жизни христиан и в благовествовании Церкви // Информационный бюллетень Круглого Стола по религиозному образованию и диаконии – М., 2000
 12. Серафим Саровский. О цели христианской жизни (Беседа старца Серафима с Н. А. Мотовиловым). – М., 1995.
 13. Социальная работа. Российский Энциклопедический словарь – М., изд-во МГСУ «Союз», 1997
 14. Учебник для сестер милосердия и пастырей, несущих служение в больнице. Под общ. ред. свящ. Сергия Филимонова, – С-Пб.: Общество святителя Василия Великого, 2000
 15. Материалы сайтов www.miloserdie.ru, www.church.by, www.diaconia.ru, www.aphorism.ru
 16. Векслер А., Г.Тульчинский. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность. – М.: Вершина, 2006
 17. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви – М., 2000
 18. Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России – М., 2007

Милосердие

Светлана Ладина
Полина Митрофанова

Часто сегодня в обществе звучат такие слова, что оскудела в людях вера, что не умеем мы любить любовью жертвенной, а только лишь эгоистичной, что люди изменились и стали жёстче. Насколько это соответствует действительности? Много ли сейчас милосердных людей? Мы попытаемся найти ответы на эти вопросы: ответы, которые дают нам уважаемые пастыри Церкви, и ответы, которые дает нам сама жизнь, её конкретные проявления. Вот, что говорят об оскудении любви священники:

Протоиерей Аркадий Шатов, председатель Комиссии по церковной социальной деятельности при Епархиальном совете г. Москвы, духовник Свято-Димитриевской общины сестёр милосердия; С 05.03.2010 г., постановлением Священного Синода, председатель Отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви:

«Говорят, что сейчас условия стали жёстче. Но мне кажется, условия всегда одни и те же, они меняются в очень малой степени. После грехопадения, когда Адама и Еву изгнали из рая, и начались эти «условия». И до конца света они будут такими же. Изменения очень малы. Думаю, что и сейчас много милосердных людей, хотя к концу времён количество этих людей уменьшается. Известно, что по причине беззаконий уменьшается, оскудевает любовь (Мф. 24,12). Но такие люди есть, потому что если бы их не было, был бы уже конец света. Такие люди, истинные христиане, являются солью земли».

Протоиерей Максим Козлов, настоятель храма святой мученицы Татианы, г. Москва:

«Я бы не смотрел по сторонам — больше или меньше любви стало? — а вспомнил бы старую народную мудрость: «Готовишься помирать — сей рожь», не видишь вокруг себя людей, обильных любовью, или не кажется тебе, что чем-то твоё дело отзовется в их сердце, — не думай о результате, делай дело. Господь, Который ждёт от нас, прежде всего, внутреннего расположения души, а не совокупности внешних результатов, и оценит тебя по тому, какую душу ты к Нему принесёшь в результате своего земного пути. Подлинное милосердие возможно в Церкви Божией: будет больше настоящих христиан, будет больше в этом мире милосердия».

Протоиерей Димитрий Смирнов, председатель Синодального Отдела по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными учреждениями:

«В этом смысле современность никоим образом не отличается от древних времён, потому что для проявления милосердия особых способностей не надо — нужно только не мешать тем, которые даны нашему сердцу при создании его Богом. Душа человека — творение Божие, а Бог есть любовь. И одно из проявлений любви — это то, что мы называем милосердием. Поэтому душа человека, как замечено ещё во втором веке, по природе своей христианка. Нет активных людей не потому, что сердце стало каменное, а потому, что люди разучились быть активными, не умеют

ещё организовать и страшатся незнакомого дела. Поэтому отсутствие милосердия на самом деле кажущееся: если посмотреть внутрь сердца, мы его там обретём».

Благотворительный Фонд «Милосердие», созданный в октябре 2006 года по инициативе прихожан Свято-Пантелеимоновского храма Екатеринбургской епархии, ставит своей задачей, по словам его Президента Андрея Кузьмина, поддержку социальных направлений деятельности прихожан и духовенства храма, организацию и проведение общественной работы, направленной на повышение социальной активности населения и пропаганду православной нравственности в качестве фундамента нравственности всего общества. И само создание этого Фонда подтверждает мысль о том, что в душе нашей милосердие живет. Надо только суметь дать ему выход в конкретных делах. И о таких деятельных проявлениях милосердия, сострадания и любви к ближнему, рассказывают руководители подразделений Фонда «Милосердие» и Отдела социального служения епархии.

Евгения Васюкова, *руководитель Православного сестричества милосердия:*

«Сестричество — это та форма служения, когда нуждающемуся человеку может быть оказана и физическая, и душевная, и духовная помощь, поэтому в 2001 году инициативная группа обратилась с предложением организации служения сестричества к главному врачу городской больницы № 36 С.Ю. Лукину. Он принял это предложение с воодушевлением, и с тех пор оказывает деятельности сестричества своё покровительство. С ростом количества сестёр милосердия, появилась и необходимость в качестве их работы, в частности, обучении сестёр основам ухода за больными. И в 2002 году между Екатеринбургской епархией и областным Медицинским колледжем было заключено соглашение об организации четырёхмесячных курсов.

Добровольческая группа сестёр милосердия — самое первое направление деятельности в сестричестве. Именно на их плечи легло самое трудное — налаживание отношений с персоналом больницы. Таких сестёр нередко называют «группой психологической поддержки». Они по первому зову откликаются на просьбы о помощи и больным, и персоналу, и окна помойут, и генеральную уборку проведут. Ежемесячно сёстры собираются в Свято-Пантелеимоновском храме на Литургии, потом обсуждают насущные вопросы за чашечкой чая, нередко организуются совместные паломнические поездки.

С развитием служения возникла необходимость и в организации работы Православного Поста — это дежурство сестёр милосердия в самой тяжёлой постреанимационной палате, в отделении, где лежат люди с серьёзными травмами. Сегодня в палате работают три сестры милосердия. С момента открытия Православного Поста, дела в постреанимационной палате пошли на поправку, люди перестали умирать по причине неполноценного ухода. Кроме того, сестры помогают найти родственников пациентов, помогают выписавшимся людям добраться домой. Особенно важна их поддержка для малоимущих граждан, но и вполне обеспеченные люди, по разным причинам, порой остаются в больнице на попечении только лишь сестёр милосердия.

Во время болезни люди особенно чувствуют своё душевное и духовное неблагополучие, многие из них ждут приезда священника для проведения Таинств Церковных. Часто тронутые простым человеческим вниманием со стороны верующих, оттаивают сердца самых ожесточённых людей, и они уже обращаются за помощью к сёстрам милосердия, за советом к батюшке, просят его крестить младенцев, освятить жилище. Родственники пациентов, сотрудники больницы приезжают в храм на богослужения, готовятся к Исповеди и Причастию. В больнице ежедневно рабо-

тает церковный киоск, это дает возможность пациентам и родственникам больных получить первую духовную помощь, заказать молебны.

В каждом отделении больницы есть добровольческая и сестринская группы, на сегодня в сестричестве около 22 человек, из них штатных лишь семь, а 15 человек помогают во славу Божию.

Весной 2006 года сестричество милосердия участвовало в грантовом конкурсе «Православная инициатива», который проводил Фонд прп. Серафима Саровского. Церемония награждения прошла в Дивеево. Полученный грант был освоен, и к своему 30-летию городская травматологическая больница получила в подарок новое оборудование для постреанимационной палаты. Все это дает новые силы для развития деятельности сестричества. Просто выводить человека бывает недостаточно, важно устроить его дальнейшую судьбу, чтобы труд врачей, медсестёр, сестёр милосердия был не напрасным. Отсюда планы сестричества — наладить работу с бездомными и организовать работу Патронажной службы. А есть и далеко идущие планы, и самым заветным из них является устройство православного больничного храма.

Сегодня в работе сестричества заинтересована и администрация больницы, и общество, получающее ощущение стабильности, видя конкретную помощь гражданам, нуждающимся в социальной поддержке. А так же это городские и областные власти, которые видят в работе сестричества проявление гражданской позиции, и, конечно же, сами сестры милосердия, имеющие возможность послужить ближнему».

И снова обращаемся к словам уважаемых священников:

Что может расположить к милосердию, откуда возникает желание помогать незнакомым людям?

О. Аркадий Шатов: «В конечном итоге, это тайна человеческой души. Преподобномученица Елизавета с детства вместе с мамой ходила в больницу, помогала больным, мать воспитывала в ней милосердие. И то, что она пережила гибель своего мужа, тоже расположило её к состраданию. Вообще, наверное, может сострадать тот человек, который сам страдал, который знает, что такое страдание. И очень трудно бывает научиться милосердию девочкам из благополучных семей. Правда, случается и обратное. Бывает, что люди не пережили никакого большого горя, а сердце их исполняется состраданием и жалостью при виде чужой беды. Таинственная это вещь».

О. Димитрий Смирнов: «Вообще-то милосердие, желание помочь ближнему есть у всех, любой испытывает в этом потребность. Но некоторые люди легко это преодолевают — иногда под давлением общества, знакомых или родителей, у которых бывают свои планы на детей. Причина та, что каждый человек грешен, и эта греховность выражается в том, что его человеческое естество извращено. Грех вообще-то и есть извращение. По плану Божию, человек должен быть исполнен любви. А любовь — это то, что направлено на кого-то. У большинства же людей — в силу извращённости — она направлена на себя. Поэтому Бог говорит человеку: «Возлюби ближнего, как самого себя» — чтобы показать, что истинная любовь ищет пользы не себе, а ближнему.

Милосердие — это и долг перед Богом. Человек должен Богу очень много. Во-первых, Бог дал человеку жизнь; во-вторых, Он дал человеку солнце; в-третьих, дал человеку землю; в-четвертых, ум; в-пятых, речь; в-шестых, поставил его царём над всем видимым миром».

Можно ли научить милосердию?

О. Аркадий Шатов: «Мне кажется, в наше время, когда люди разучились жить вместе, надо особенно воспитывать милосердие. Сейчас разрушены общности, которые раньше объединяли людей. Хотя и живут люди вместе, но чувствуют себя одиноко, нет у них добрососедских отношений. Легче всего научиться милосердию рядом с людьми, которые нуждаются в помощи. У одного вызывает сострадание старик, несчастный, брошенный всеми, старость, которая нуждается в опоре. У другого — сирота, ребёнок, который не имеет родителей и нуждается в помощи. У третьего сострадание вызывают больные люди, страдающие, лежащие в больнице. Там очень много нуждающихся в милосердии, потому что в больнице особенно концентрируется человеческая боль, страдание, скорбь».

А мы продолжаем рассказывать вам, где сегодня можно проявить своё деятельное милосердие, где наша помощь очень нужна.

Алина Квита, руководитель православной Патронажной службы:

«Цель православной патронажной службы — помогать людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию в связи с болезнью, пробуждать и укреплять в прихожанах желание служить ближнему. Наши пациенты — это больные люди, которых уже выписали из больницы, но им нужен домашний уход, это безнадёжные люди, которых просто отказались лечить, это люди, которые перенесли инсульт и теперь парализованы, это люди с ограниченными возможностями передвижения. А так же это их родственники, тоже требующие помощи скорее духовной, потому что они не всегда могут справиться с таким неожиданным испытанием, когда у них в доме оказывается вдруг лежачий больной. За ним требуется не просто ежедневный уход, ему требуются и поддержка, и любовь, а очень трудно с любовью ухаживать за больным, когда маленькая зарплата, когда мысли о том, чем бы накормить свою семью. И наша основная задача — помочь не только тем людям, которые заболели и не могут передвигаться и сами себя обслуживать, а помочь так же их семьям, помочь адаптироваться к этой новой, непростой ситуации, взглянуть на проблему немного с другой стороны. Взглянуть на неё как на испытание, которое позволит им проявить свою любовь. Ведь в трудностях зарождается настоящая, деятельная любовь. Поэтому, помощь нужна и родственникам, и самим больным.

Для того чтобы создать патронажную службу, достаточно одного-двух человек, заинтересованных людей, которые хотят что-то создать, не боятся столкнуться с трудностями. Регулярная помощь хотя бы одному больному — это уже действующая патронажная служба.

Наша служба появилась в октябре 2007 года, и пока мы делаем только первые шаги, очень не хватает людей, сотрудников, добровольцев, но уже очень много просьб о помощи. На 2008 год план патронажной службы — это 10 сестёр, которые находятся в штате, а так же добровольцы, без которых мы — никуда. Пока что на каждом нашем сотруднике лежит несколько функций, в дальнейшем мы будем стремиться к тому, чтобы работник выполнял одну задачу, но качественно, повышая свой профессиональный уровень.

Этапы нашей работы — это принятие просьбы, оценка ситуации и организация работы. На этапе принятия просьбы нам важно не растерять людей, нуждающихся в помощи, отследить все просьбы и, по возможности, постараться помочь. После принятия просьбы на адрес выезжают сотрудники патронажной службы, в том числе медицинский работник, для того, чтобы проанализировать обстановку, спланировать дальнейшие действия. Далее происходит организация работы, составляется график дежурства сестёр, осуществляется контроль, и здесь, несомненно, важна

обратная связь. Старшая патронажная сестра постоянно контактирует с родственниками больных для того, чтобы оценить качество работы, выяснить, какие пожелания у родных, как работу можно улучшить, сделать её более сердечной, чтобы соответствовать званию патронажной сестры. Для развития службы сегодня необходимо привлекать новых сотрудников, в том числе добровольцев, так как число просьб о помощи значительно превышает количество сотрудников, которые могут эту помощь оказать. И те, кто приходит, обязательно должны получить благословение священника, пройти собеседование со старшей сестрой, ведь для работы на дому очень важно серьёзно подбирать персонал. наших патронажных сестёр мы стараемся обучать на курсах в Медицинском колледже.

Суть патронажной службы не в том, чтобы оказать гигиеническую помощь, а, как раз таки, показать пример любви, самоотдачи. Если начинаешь чем-то заниматься, то, конечно, начинаешь этим просто болеть. Эти бабушки уже стали нашими родственниками, нам просто необходимо позвонить им, узнать, как они себя чувствуют, понравилась ли им сестра милосердия, а отзывы всегда положительные, всегда благодарят за звонки. Ощущение после этого очень хорошее. Естественно, бывают и смерти, вот недавно у бабушки в больнице произошёл инсульт, конечно, тяжело все это переживается, не знаешь, какими словами поддержать родственников, и здесь помогает батюшка не только сёстрам, которые глубоко лично переживают, но и родственникам. Говорит, что им нужно почитать, как себя вести в такой момент, что сделать с точки зрения православной веры».

Нередко мы задаемся вопросом: как можно помочь человеку, если ты не врач и не священник? Если ты ничего не умеешь, может, лучше и не предлагать свою помощь? На этот вопрос отвечает протоиерей Аркадий Шатов:

«В больнице лежат и такие люди, у которых нет родных, которым некому помочь. И больше всего они радуются не тапочкам, которые им принесли, хотя у них нет тапочек, и не воде, которой у них нет, и не кружке, которую им дали. Они радуются, если кто-то сядет рядом, выслушает их, поговорит с ними какое-то время. Им больше всего нужно именно это, нужно внимание, сострадание. Кроме того, полы вымыть может любой, убраться может любой, сходить в магазин, купить что-то может любой, а больным это всегда приятно. Это очень легко понять, если подумать о себе: вот мне было бы приятно, если бы я лежал в чистой палате. Конечно, мне было бы легче дышать в комнате, где нет пыли, где нет грязи, где на окнах висят занавески.

Я знал святых людей, которые были исполнены любви. И эта любовь проявлялась не в богатых подарках, даже не в том времени, которое тебе человек уделял, а в чем-то другом. Видно было, что я этому человеку небезразличен, что он мне сострадает, сочувствует, что он объемлет меня своим сердцем, пускает меня в своё сердце, что он не осуждает меня, что он готов разделить со мной мою боль, моё страдание».

Но есть и ещё одна категория людей, тех, кому сегодня особенно тяжело живётся. Даже жизнью-то это трудно назвать... Существование, выживание на улице... Это бездомные.

Священник Владимир Первушин, руководитель Православной службы милосердия:

«Служба милосердия создавалась преимущественно для того, чтобы заниматься социально-медицинской помощью. Изначально мы думали помогать людям, которые могут погибнуть на улице от переохлаждения. Кроме того — обрабатывать и

перевязывать раны, проводить при необходимости дезинфекцию. На деле получилось так, что мы не только социально-медицинской помощью занимаемся, а всем вообще. Восстановлением документов, трудоустройством людей, поиском каких-то контактов, возможностей вернуться в семью. Бездомный — это человек, у которого нет ничего: ни документов, ни здоровья, ни жилплощади, ни семьи, ни средств к существованию, ни работы — вообще ничего. Исходя из всего этого и определяется помощь — любая, всесторонняя, во всех аспектах. Как можем, так и помогаем. Прежде всего, человека надо вылечить, чтобы у него руки-ноги действовали, чтобы он мог работать, а потом уже говорить: «Кто не работает, тот не ест». Прежде всего — вылечить, а потом уже думать дальше.

Как ни странно, сегодня от государственных органов меньше поддержки, чем хотелось бы. Но ведь во многих ситуациях обойтись без неё невозможно. Существует межведомственный приказ о взаимодействии различных подразделений в помощи лицам, оказавшимся в критических ситуациях. Под этим документом — шесть «высоких» подписей, но, по сути дела, на сегодняшний день он не работает.

Есть дом ночного пребывания. Учреждение министерства социальной защиты. Но туда берут только с паспортом, с результатами минимального медосмотра — в частности, флюорографии, и с направлением из соцзащиты. Большая проблема у нас не с медицинскими справками, а с восстановлением у людей документов — это и долго, и сложно.

Хотелось бы организовать такое православное учреждение, о котором в своё время говорил отец Иоанн Кронштадтский. Где можно было бы человека подлечить, на ноги поставить, где он мог бы пожить какое-то время жизнью трезвой, отойти от дурмана, психологически реабилитироваться. Но для этого, прежде всего, нужна крыша над головой и попечение именно духовное, церковное. Потому что надёжная мораль может существовать только в Церкви. Общество, которое существовало вне Церкви, показало, что оно не имеет в себе никакой устойчивой морали. За время перестройки все это быстро разрушилось. Духовность, которая идёт от Христа — в этом учреждении могла бы быть. Но важно, чтобы человек сам захотел бы её принять — а не так, что кто-то придёт со стороны и в корне на него повлияет».

Как бездомные обращаются за помощью в службу милосердия? Откуда они узнают о ее существовании?

«Слухами земля полнится. Просто люди передают информацию друг другу. Маршрут нашего автобуса известен: работаем возле православной столовой Ново-Тихвинского монастыря, где бездомных бесплатно кормят, потом едем на 4-ю базу, потом — на вокзал. Работаем мы, практически, круглосуточно. Пока у нас, к сожалению, только двое мужчин-добровольцев, а они очень нужны для посещений чердаков, подвалов, теплотрасс. Женщинам там делать нечего. Первая реакция на такие визиты может быть агрессивной, потому что люди, живущие там, ничего хорошего от окружающего мира не ждут. Показательный случай. Директор дома ночного пребывания дал нам информацию о том, что в теплотрассе возле цирка живут бездомные. Мы приехали — а там уже никого нет. Когда стали наводить справки, выяснять ситуацию, то оказалось, что люди, действительно, в теплотрассе жили, но кто-то плеснул в этот люк бензин и поджог. Люди заживо сгорели. Так что бездомные ничего хорошего от общества не ожидают и имеют на это основания. Поэтому, конечно, первыми места их жительства должны посещать здоровые, крепкие мужчины.

Сейчас мы собираем базу данных о местах пребывания бездомных. Соцзащита обещала нам в этом помочь — у них информационная карта сложилась во время по-

следних выборов, в которых бездомным тоже предлагалось поучаствовать. Так что наш маршрут мы будем расширять, но — повторюсь — для этого нужны мужчины-добровольцы».

С какими просьбами обычно обращаются люди в службу милосердия?

«С разными — смотря на какой стадии бродяжничества находится человек. Зачастую люди, давно живущие на улице, просто заживо гниют. Здесь требуется, прежде всего, медицинская помощь — лечение обморожений, ожогов, инфицированных ран. Другой случай — человек, оказавшийся там недавно. У него, допустим, украли документы, деньги, но он помнит номера телефонов своих родственников и просит помочь связаться с ними, помочь вернуться домой».

А есть ли у вас возможность предоставить человеку временное пристанище?

«Своего помещения для этих целей у нас нет, есть лишь вечно разваливающийся автобус — передвижной медицинский кабинет и средство доставки горячего питания. База-то слабенькая. А помещение, конечно, просто необходимо: там можно было бы собирать этих несчастных и оказывать им помощь. Здесь были бы совмещены и функции медпункта, и функции медвытрезвителя, и функции ночлежного дома».

Какая конкретная помощь нужна службе милосердия?

«Если говорить по максимуму, нужны:

- нормальная машина — автобус или микроавтобус;
- помещение, о котором мы говорили, состоящее из нескольких комнат: для дезинфекционной обработки, для медицинского осмотра и помощи, для изоляции больных туберкулёзом, для всех остальных;
- благодотворители, которые хотели бы и могли бы помогать организационно и материально;
- добровольцы-мужчины, готовые в этой, без преувеличения, войне, выполнять работу спасателей.

Если найдутся православные люди, которые хотели бы послужить Богу, исполнить заповеди, с которыми Христос обращается к нам со страниц Евангелия: «... алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня...». (Мф. 25.35–36) — если найдутся такие христиане — это будет очень хорошо».

Каждый ли должен идти в больницу, или в детский дом, или кормить бомжей? Как определить, в чем именно ты должен участвовать?

О. Максим Козлов: «Проще всего присматриваться к обстоятельствам нашей жизни, ибо Господь через внешние обстоятельства, через то, что посылается нам навстречу, ежедневно и постоянно подсказывает нам, что выбрать и куда пойти. Есть многообразие христианских обязанностей. Есть многообразие служений, и не нужно одни другим противопоставлять. Важно каждое дело делать как послушание Богу, Церкви и ближнему, тогда в нем обретётся необходимое для спасения нашей души».

О. Димитрий Смирнов: «Надо делать то, что у тебя лучше получается по твоим возможностям и талантам, что эффективней и даёт, как преподобный Серафим говорил, больше благодати. В отдельных случаях бывает так: внутри человека живет доктор, но он не смог реализовать себя, свою юношескую мечту стать врачом — и

вдруг ему предоставляется возможность трудиться в больнице. Однако часто в больницу или к бомжам человек идёт не в силу призвания именно к такого рода деятельности — скорее, Господь призывает его в данный момент, в данной жизненной ситуации к конкретному служению. Если бы мы не были верующими, то могли бы сказать, что здесь есть элемент случайности. В больницу идти, или к бездомным, или что-то другое делать — это не играет никакой роли. Все бездомные, для которых мы с вами построим дом, все равно умрут. Все больные, которых мы с вами вылечим, умрут. Все голодные, которых мы с вами накормим, тоже умрут. Не умрёт только моё сердце, которое в результате того, что я этого кормил, а этого одел, приобретёт те самые свойства, которые необходимы, чтобы жить с Богом».

О. Аркадий Шатов: «Не обязательно каждому вступать в общину сестёр милосердия, не обязательно записываться добровольцем, чтобы ходить в больницу, не обязательно ходить в детский дом, но обязательно сострадать чужому горю, участвовать в чужой беде. Дела милосердия должны совершаться в тайне. Когда они совершаются вместе с людьми, то здесь, конечно, ничего не утаишь. Значит, должны быть какие-то свои дела, о которых не должен знать никто. Дела, которые человек должен совершать не ради награды, не ради тщеславия, а ради Бога, как в Евангелии написано».

Часто православных людей упрекают в эгоизме: «Вы свою душу спасаете, хотите от Бога награду получить»...

О. Димитрий Смирнов: «Мы действительно душу свою спасаем. Но спасение это заключается в том, чтобы привести свою душу к любви. Потому что Царство Божие — это царство любви, и ничто, лишённое любви, туда войти не может. Это, конечно, очень осложняет земную жизнь, потому что не на себя нужно трудиться, но на ближнего — а страсти мешают».

О. Максим Козлов: «Никогда трезвомыслящий и не безумный христианин не будет спасать самого себя, отгородившись от мира, который его окружает, ибо как Господь пришёл, чтобы жизнь Свою положить за спасение мира, так и мы должны следовать Ему в этом. И спасая свою душу, быть всегда готовым к тому, чтобы выйти на служение людям. Это спасение невозможно без отклика на то, что вокруг происходит. Отклик может быть различен: один действительно будет санитаром, а другой — в затворе, или на Святой горе, или в доме у себя будет за весь мир молиться. И неизвестно, кто больше для этого мира пользы принесет...».

Милосердие — воспитание чувств

Полина Митрофанова

Я хочу помогать», — сотрудники благотворительных фондов рады слышать эту фразу, но они так редко слышат: «Научите меня, как помочь». Добрый порыв — это начало, а милосердие — не только радость, но и труд, прежде всего труд над своей душой. Когда помощь ближним становится ежедневным трудом, постепенно понимаешь, как это делать правильно. Вот размышления волонтера, работающего в одном из благотворительных фондов: «Глядя на бездомного или нищего, думаешь: со мной такого не случится никогда. А зря. Вспомнилось: мы с мужем поехали на море, приехали ночью, и местная шпана сразу же отняла у нас все деньги. До Москвы ехали на электричке. Контролёры жалели нас, пропускали без билета. Ночевали на вокзалах. На одной из станций я разговорилась с украинками-челночницами. Они казались такими «уютными», из их сумок пахло пирожками с мясом. А от голода не то, что пирожок, шоколадку в чьём-нибудь кармане за пять шагов чувствуешь... И я вдруг рассказала им все: как нас ограбили, как я не ела три дня. Добрые женщины сочувственно кивали головами. Кивали. И только. Спать пришлось лечь голодной. Проснулась я оттого, что кто-то тронул меня за плечо. Одна из женщин протягивала мне... бутылку с водой. «Из дома, кипячёная. Вылить жалко». Вот эту бутылку воды я часто вспоминаю.

Кто-то даёт деньги, ничего не спрашивая: «передайте потом тому, кому нужна помощь». И далеко не всегда этот «кто-то» одет в дорожную шубу. Одна бабушка оставила вахтеру нашего фонда 50 рублей и записку: «Пока шла, забыла, кому несла. Отдайте, кому нужнее». Другие долго выбирают, кому помочь. У них свой резон: «Чего это я свой телевизор многодетным отдам? Наплодили нищеты, сами пусть и растят. Нет уж, только в детский дом». А ещё бывают телефонные звонки: «Приезжайте ко мне, много хороших вещей осталось, а выкинуть жалко». Транспорта у нас не хватает, поэтому на следующий день звонят снова: «Вы когда вещи заберете? Сами на сайте пишете, что нужны вещи, и не забираете. Безобразие!»

Постепенно я поняла: если хочешь помочь, будь готов потратить что-то своё. Деньги. Время. Силы. Разбери и выстирай вещи, упакуй их и принеси в фонд. Только сделав шаг навстречу, ты сможешь дать человеку кусок хлеба. Оставаясь на расстоянии, ты ему этот кусок хлеба бросишь в лицо. Мы размещаем просьбы о помощи везде, где можем, в том числе, и в Интернете. Сколько приходится выслушивать о наших подопечных! «Бомжи сами во всем виноваты, многодетные неизвестно, о чем думали, с больными незачем возиться, лучше деньги здоровым отдать... А ещё лучше — приют для собак построить. Зверей-то всегда жалко...» Если бы, вместо слов, каждый давал хотя бы по 10 рублей... По-моему, полезное правило такое: не хочешь помочь — молча отойди в сторону, не суди, не обижай, не клади камень в руку того, кому и так плохо... Чужой хлеб горек. Эти слова оказались чистой правдой. Сколько обид, оскорблений и подозрений приходится принимать нашим подопечным, вместе с куском хлеба: «Я же помогаю, и имею право знать!» О том, как помогать, у каждого своё представление. Кто-то хочет привезти шоколадки в дом

престарелых. Непременно — в дом престарелых! И именно шоколадки! А то, что у половины стариков — диабет, и они, как дети, шоколадку съедят тайком от врача, а потом им будет плохо, этот человек и слышать не хочет. «Я хочу доброе дело сделать!» Вывод: если хочешь сделать добро, надо не просто загореться, а ещё и подумать: а будет ли именно это добром не в твоих глазах, а для тех, кому ты помогаешь? Что ж, выходит, все неправильные, одни мы — в «белых одеждах»? Да нет, не думаю...»

Недавно я нашла в одной книге слова преподобного Амвросия Оптинского, и вспомнила, что именно эту фразу случайно услышала много лет назад по радио, и она запала тогда мне в душу. «Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь её иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание, и вложит в сердце твоё любовь».

Мы часто пишем вам о разных направлениях социального служения Екатеринбургской епархии. О тех людях, которым сегодня очень нужна ваша помощь. Каждый день число этих людей увеличивается. На телефон благотворительного фонда «Милосердие» всё чаще звонят страждущие, одинокие, больные... Нередко это те, кто отчаялся в этой жизни. Отчаялся увидеть добро и любовь. Но с последней, пусть призрачной, надеждой все же просят: может, вы поможете? Но так редко раздаются на этом «горячем» телефоне звонки и слова: «Я готов помочь. Скажите, кому и как?» Почему? Может, мы боимся трудностей? Боимся не справиться с предстоящей работой? Со своими чувствами? Боимся растратить свою душу? Но ведь, сколько слов о любви к ближнему читаем мы в Библии! Сколько призывов Господа к делам милосердия и добра! И сама жизнь дает нам такую возможность Божий наказ выполнить, стать кому-то «милосердным самарянином»... А мы эту возможность по нерадивости, или из-за нашей чрезмерной занятости упускаем. А ведь потом может быть поздно... Никто не знает времена и сроки... Так может лучше сегодня открыть своё сердце и душу навстречу тому человеку, который одинок, живя в мире людей? Тому, кто ещё ждет от нас помощи, и тому, кто уже отчаялся, и потерял веру в человеческое сострадание и деятельное милосердие? «Вера без дел мертва есть», — говорит Апостол. А дел для поддержания нашей веры ох, как много!

Как говорил Святитель Иоанн Златоуст: «Чем усерднее мы будем служить Богу, тем больше получим пользы для себя». Не будем же лишать себя столь великого приобретения!

РАЗДЕЛ II. Сестра милосердия: призвание и доверие

Митрополит Филарет Слово о женщинах-христианках

В день празднования в честь Евангельских жен-мироносиц торжествуют все матери и жены, сестры и дочери христианские, ибо сей день есть воистину Женский праздник всемирного Православия.

Сердечно поздравляю с этим торжеством всех сестер во Христе! Ваша вера, ваше служение семьям и обществу, Святой Церкви и возлюбленному Отечеству не измеримы ни цифрами, ни словами, ни даже воображением! Ничем нельзя исчислить меру любви и жертвенности, на которых утверждается подлинное достоинство и истинная красота женщины.

Эти качества в полной мере были проявлены женами-мироносицами, которые следовали за Господом Иисусом Христом во времена Его земного служения. Они были вместе с Божественным Учителем и на Голгофском холме, где был распят Спаситель, и у Его гроба, где Сын Человеческий был приготовлен ими к погребению помазанием святым миром, и в день Воскресения Христова, когда Сын Божий дал через них заповедь всему роду человеческому радоваться о Господе и о возвращении к Вечной Жизни.

Да будет их подвиг примером для наших современниц!

Особое слово приветствия направляю в сей день сестрам милосердия Белорусской Православной Церкви, которые умеют столь остро воспринимать и переживать боль другого человека, что ради Бога совершают свой тяжкий повседневный труд, порою незаметный и нередко даже скрываемый от внешнего взгляда и широкого освещения.

Благодарю вас, дорогие мои сестры, за скромность и прилежание в деле милосердия, которое вы совершаете, служа тяжело больным и одиноким людям всех возрастов — от мала до велика.

Благодарю вас за терпение и жертвенность, ибо почти все вы имеете семьи и сами нередко нуждаетесь в помощи и поддержке, которые далеко не всегда получаете, потому что слывете сильными, коль так щедро раздаете людям богатства своих душ и сокровища своих сердец.

Благодарю и благословляю вас, жены-мироносицы наших дней, за то, что вы врачуете миром язвы телесные и раны душевные, облегчая страдания людей и смягчая жесткие нравы нынешнего времени.

Вновь и вновь поздравляю всех наших сестер во Христе с Днем жен-мироносиц словами Святого Евангелия: «Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10: 20).

Христос посреди нас и есть, и будет!

Филарет,
Митрополит Минский и Слуцкий,
Патриарший Экзарх всея Беларуси

*Неделя 3-я по Пасхе, святых жен-мироносиц,
22 апреля 2007 года, Минск*

Кто такие сестры милосердия?

От исторической этимологии к современному контексту

Опубликовано в журнале
«Православный Летописец Санкт-Петербурга».
2005. № 24. С. 11-28.

Звание сестры милосердия заимствовано у католиков как буквальный перевод с французского *soeurs de charité, de la miséricorde*. Так чаще всего назывались представительницы женского церковного общества Дочерей Милосердия, служанок бедных, основанного во Франции в XVII веке. Оно не считалось ни монашеским орденом, ни конгрегацией, и получило уникальный церковно-юридический статус именно общества. Те «внешние», благотворительные цели, которые оно преследовало, не позволяли сестрам замыкаться в стенах монастыря, быть отгороженными от мира, как это до сих пор предписывалось строгими уставами созерцательных монашеских орденов. Общество Дочерей Милосердия стало предтечей деятельного католического женского монашества. Позднее общины подобного рода уже получили возможность официально утверждаться как ордена и конгрегации. Но общество Дочерей Милосердия, сначала в силу новаторской формы, а теперь уже в дань традиции, имеет свой уникальный статус. Хотя в строгом смысле Дочери Милосердия не относятся к монахиням, тем не менее, считаются женщинами, «посвятившими себя Богу». Впрочем, все эти церковно-юридические нюансы теперь не принимают во внимание даже католические энциклопедии, называя это общество конгрегацией и не отличая сестер от монахинь [1]. Общество Дочерей Милосердия существует и поныне и является самым многочисленным среди монашеских общин, насчитывая в 1998 г. 2800 подразделений с 26 000 сестер [2].

Свое именование оно получило от основателя – французского священника Венсана де Поля (*Vincent de Paul*), известного в России XIX века и у современных русских католиков под именем святого Викентия. Его правой рукой и единомышленницей стала знатная и богатая вдова Луиза де Марийяк, также канонизированная католиками как святая. Именно она возглавила сначала первую местную общину близ Парижа, а затем и все общество и приняла пожизненные обеты генеральной настоятельницы. Большинство местных общин имело свои общежития – Дома – при больнице, детском приюте и т.п. Каждая такая община возглавлялась настоятельницей, супериорессой. Лишь сестры, направляемые на дальние приходы, жили в нанятых комнатах.

Особенности общества Венсан образно и поэтично выразил в общих правилах (пункт 2), данных Дочерям Милосердия:

«Им должно иметь в виду, что хотя они не принадлежат к религиозному ордену, так как его устройство не сочетается с обязанностями их призвания, тем не менее, обязаны вести жизнь столь же добродетельную, как если бы они были посвящены в религиозный орден. Поскольку они более открыты миру, чем монахини, то их мо-

настырь — ничто иное, как обитель больного; их келья — наемная комната; их капелла — приходская церковь; их затвор — общественные улицы и палаты больных; их убежище — послушание; их покров — страх Божий; их ограда — святая скромность. Где бы они не соприкасались с миром, им должно держать себя с такой же степенью собранности, чистоты сердца и тела, отстраненности от тварного и подавать такой же назидательный пример, как и монахини в затворе своих монастырей [3].

Создание таких деятельных общин было рискованным новаторством, и осуществлялось Венсаном де Полем осторожно и постепенно, в течение нескольких десятилетий, вдали от папского престола. Поэтому в Италии и Испании общины сестер милосердия появились намного позднее, чем в других европейских странах. Венсан и его сподвижница Луиза не раз подчеркивали, что они никогда и не думали об основании какой-то новой монашеской общины. Возможно, так оно и было, но само начинание и его общая идея были с энтузиазмом востребованы временем Контрреформации, получили поддержку и у простых женщин, поступавших в местные общины сестер милосердия, и у знатных и богатых, живущих в миру. Последние числились Дамами Милосердия и использовали для поддержки общества свои средства и положение.

«Внешняя», благотворительная деятельность сестер милосердия была обширной. Они воспитывали «подкидышей» (незаконнорожденных детей, брошенных матерями), заботились о заключенных в тюрьмах, кормили голодных во время бедствий, и помогали бедным больным. Позднее круг их занятий ограничился уходом за бедными больными в больницах и на дому, а также воспитанием сирот и детей бедняков. Но вся эта «внешняя» деятельность рассматривалась, прежде всего, как апостолат. В летописях общества особо отмечается, что «в течение первого года пребывания Дочерей Милосердия в Парижской больнице для бедных (Hotel — Dieu) их работа была благословлена 760 обращениями из лютеран, кальвинистов и даже раненых в морском бою турков» [4].

Вот что пишет об этом начальница Крестовоздвиженской общины сестер милосердия Екатерина Михайловна Бакунина, посетившая католических сестер милосердия в 1859 г.:

«Я не знаю, каковы были сестры при св. Викентии, когда он сам их устроил, и когда они носили скромное название *servantes des pauvres* : служанки бедных. Но теперь это чисто произведение католичества, и такие сестры возможны только при братьях лазаристах. Главная, основная мысль сестер — это пропаганда. Всякая более или менее видит в себе апостольское призвание. Вот что мне сказала мать-настоятельница: «Да, мы ходим за телом, но первый наш долг — говорить о религии» [5].

Братья-лазаристы, которых упоминает Е.М. Бакунина, принадлежали мужской конгрегации Миссии, которую Венсан де Поль основал почти одновременно с Дочерьми Милосердия. Под общим руководством генерального настоятеля Миссии, рука об руку со священниками-лазаристами, католические сестры милосердия вскоре распространились не только по всей Европе, но и на Ближнем Востоке, в Северной и Южной Америке, Африке и Китае. Во Франции, где они больше известны как сестры св. Венсана де Поля, в 1789 г. насчитывалось 426 их Домов. Число же сестер Милосердия к этому времени лишь в одной Европе достигало 6000.

Подлинный смысл имени сестры милосердия и тем более официального — Дочери Милосердия — раскрывается в контексте исключительно католической традиции, которая его породила. Согласно ей представители некоторых орденов и конгрегаций именовали себя сыновьями, дочерьми, сестрами и братьями той Святыни, которая ими особо почиталась. Например, доминиканки назывались Дочерьми

Страстей Христовых, так как в ордене особо поклонялись Страстям. Такой же своеобразный «культ родства» Священному отражен в названиях других монашеских орденов и конгрегаций: Сыновья Непорочного Сердца Девы Марии, Сестры Пресвятого Семейства, Дочери Марии – помощницы христиан (Салезианки), Дочери Святого Креста, Сестры Пресвятой Евхаристии, Сестры св. Иосифа Обручника Пречистой Девы Марии, Сестры Матери Божьей Скорбящей, Сестры Воплощенного Слова и т.п.

Почитаемым для монашеской общины могло стать одно из божественных Имен или свойств. Это справедливо и для общества, основанного Венсаном де Полем, где особо почиталось и служило образцом для подражания Милосердие [6]. В первом пункте общих правил Дочерей Милосердия, составленных основателем, говорится:

«Принципиальная цель, для которой Бог призвал и устроил Дочерей Милосердия, – почитать Господа нашего Иисуса Христа как источник и образец всякого милосердия, служа телесно и духовно Ему в лице бедных, будь то больные, дети, заключенные или другие <...>, Поэтому, если они хотят соответствовать столь святому призванию и подражать столь совершенному Образцу, они должны стараться жить свято и трудиться с большой заботой, чтобы снискать совершенство, соединяя упражнения духовной жизни с внешними обязанностями христианского милосердия по отношению к бедным» [7].

Характерно, что далее общие правила не уделяют пристального внимания собственно «внешним обязанностям», которые рассматриваются как телесные упражнения, а сосредоточены на внутреннем, монашеском делании и духовной жизни сестер: «Первая вещь, которую они будут стремиться нерушимо соблюдать – это ценить спасение своей души превыше всех земных вещей», – говорится в них. И далее:

«Они должны ненавидеть максимы этого мира и принимать максимы Иисуса Христа. И те среди них, которые предписывают умерщвление, как внутреннее, так и внешнее. Презирать себя и все земное <...> Они не должны привязываться ни к чему тварному, особенно местам, занятиям или личностям, даже к своим родственникам и духовникам <...>, памятуя, что Господь сказал, что мы не достойны Его, если не оставим отца и мать, братьев, сестер, не отвергнем и всех вещей этого мира для того, чтобы следовать за Ним».

Таким образом, несмотря на новаторскую форму, общество Дочерей Милосердия, получило от своего основателя традиционные, прежде всего, духовные ориентиры. В правилах нашли отражение и особенности латинского вероучения, касаться которых здесь вряд ли уместно.

Как отмечают авторы фундаментального исследования, посвященного правилам Дочерей милосердия, служанок бедных:

«Внимательное чтение этих правил открывает богословский и духовный мир, в котором жили два основателя. Это был мир, наполненный божественным действием, мир, в котором людские деяния соотносятся с действием Божиим. Правила побуждают Сестер не только подражать Христу в Его таинственной жизни, но также и служить Ему в ближних, особенно в бедных. Этот взгляд на мир был так унифицирован, что послушание старшим было послушанием Богу, а оставление келейной молитвы или других обязанностей ради служения бедным – согласно памятной формуле – «оставлением Бога ради Бога». Это значит, что служение ближним понималось как принципиально действенное духовное и физическое служение, имеющее целью собственное совершенствование в исполнении воли Божией» [8].

Мы подробно остановились на описании общества Дочерей или сестер Милосердия по двум причинам.

1. Некоторые современные авторы, глядя на него сквозь призму искаженных уже в XIX веке российских представлений о католических сестрах милосердия, не рассмотрели, на наш взгляд, главного. Католические общины сестер милосердия являлись сугубо церковными организациями, с монашеской ориентацией и аскезой, поэтому ошибочно относить их к «гражданскому благотворительному общинному движению» [9] и отрицать «монашеские условия жизни сестер» [10].

2. Вернувшись к этимологии словосочетания сестры милосердия, понять, что тот смысл, который вкладывали в него католики, в буквальном переводе на русский язык был не понят и невольно искажен. Оно приобрело иной, оценочный характер с акцентом на душевности и сострадании, и недаром народ переименовывал его в милосердных сестер. Как справедливо находил петербургский священник о. Александр Гумилевский, оно звучало не совсем по-русски [11]. Но к этому оказались нечутки основательницы первых общин сестер милосердия, представительницы высшего света, для которых французский был почти родным языком.

Характерно, что первая в России община сестер милосердия – Свято-Троицкая – была межконфессиональной, т.е. конфессионально-смешанной, включая православных, лютеранок и католичек, а возглавляла ее Сара Биллер, из английских квакеров. Таким образом, объединение сестер в одну общину достигалось отвлечением от вероисповедных и догматических различий.

Межконфессиональный (*interkonfessionalle*) характер первых общин сестер – Свято-Троицкой (1844, 1848), во имя Христа Спасителя (1846, 1853) и Крестовоздвиженской (1854, 1870) [12] – отмечался в лютеранском источнике [13]. Такая межконфессиональность, на наш взгляд, вполне соответствует определению России как межконфессиональной Империи в синодальный период истории Русской церкви, данному выдающимся церковным историком И. К. Смоличем [14].

Религиозные настроения, которые преобладали среди организаторов первых общин, ярко выражены в одном из эпизодов путешествий Е.М. Бакуниной. Находясь в Париже, она поехала в часовню лазаристов «поклониться святому Викентию» у его раки. «Я усердно помолилась ему, – пишет Бакунина. – Теперь он не католик, и все должны быть ему равны. У него любовь к ближнему и милосердие, *la charit e envers le prochain* [15], развиты в высшей степени. Да помолит же он о нас Господа, как я его молила!..» [16]

Словом, первые общины сестер милосердия создавались в той атмосфере XIX века, которая предана в записных книжках Ф.М. Достоевского характеристикой одного из персонажей: «Исповедания же был православно-лютеранского, как и все русские люди нашего времени, еще продолжающие верить в Бога».

Устав первой – Свято-Троицкой – общины сестер милосердия, основанной в Петербурге, был утвержден императором, а не Святейшим Синодом, как это полагалось для церковных общин. К императорской подписи добавлена пометка: «в порядке опыта». В Уставе говорится, что сестра милосердия должна отличаться: «набожностью, милосердием, целомудрием, воздержанием, опрятностью, скромностью, доброю, терпением, безусловным повиновением» [17]. В этом ряду милосердие – лишь одно из нравственных качеств, характеризующее сестер наряду, например, с опрятностью. Такое «розовое» милосердие, такая «моральная любовь» как добродетель падшего естества могут быть равно присущи не только православным, католикам и лютеранам, но и вовсе атеистам. Об этом в XIX веке Константин Леонтьев писал так:

«Любовь моральная, то есть искреннее желание блага, сострадание или радость на чужое счастье и т. д. может быть религиозного происхождения и происхождения

естественного, то есть производимая (без всякого влияния религии) большою природною добротой или воспитанная какими-нибудь гуманными убеждениями. Религиозного происхождения нравственная любовь потому уже важнее естественной, что естественная доступна не всякой натуре, а только счастливо в этом отношении одаренной; а до религиозной любви, или милосердия, может дойти и самая черствая душа долгими усилиями аскетической борьбы против эгоизма своего и страстей» [18].

Уставы первых общин сестер милосердия не предписывали никаких аскетических правил в духе Православия. Правда, есть примеры того, как в дополнение к ним основатели сами пытались давать сестрам духовные советы. Например, А.С. Стурдза, основатель Одесской общины сердобольных сестер (1850, 1850), написал для них не только келейную молитву сердобольной сестры, включенную в современные молитвословы как молитва «ходящей за больными», но и ряд наставлений [19]. Но они, на наш взгляд, несмотря на благие намерения и красноречие автора, несут отпечаток отвлеченной мечтательности. Наверное, этого не избежать наставнику, даже не вступившему на поприще, которое он предлагает другим, и не приобрел духовного опыта из тех «упражнений», которыми сам не занимался. Нельзя, например, научить кого-то преодолевать брезгливость, если ты сам этому не учился, или советовать, как должно молиться, сутками находясь у постели больного, если ты никогда этого не делал.

Примечательно, что А.С. Стурдза, которого митрополит Московский Филарет (Дроздов) называл «человеком просвещенным и любителем мира церковью греческой и российской», предпочел для своего заведения именование «община сердобольных сестер», а не «сестер милосердия». Этим он, возможно, хотел избежать подражания католикам, но еще более определенно выразил именно оценочные мерки, которые прилагались к сестрам. В наставлениях А.С. Стурдзы, на первом месте стоит «особенное сочувствие» как душевное «сердоболие» или «милосердие»:

«Ибо между истинною сердобольной сестрой и обыкновенной сиделкою должно быть немалое и существенное различие. Простая сиделка может быть исправна без особенного сочувствия к больному. Напротив, сердобольная сестра, служащая больному ради Христа, должна воодушевляться верою и любовью, в которых заключается вся наша заслуга и вся наша мудрость» [20].

В уставах первых общин обозначены лишь их «внешние», благотворительные цели: попечение о бедных больных, утешение скорбящих, исправление лиц, предававшихся порокам, воспитание бедных и бесприютных детей и т.п. Основательницы общин руководствовались простой идеей: собрать под одной крышей женщин, наделенных чувством сострадания и долга, научить их ухаживать за бедными больными, создать им условия для службы и проживания и должным образом организовать дело. Они были искренними в своем порыве и лично опекать несчастных, и жертвовать на это немалые средства, невольно подражая католическим Дамам Милосердия. Но лишь немногие из них, такие, например, как великая княгиня Александра Петровна (в иночестве Анастасия), великая княгиня Елена Павловна, графиня М.В. Орлова-Давыдова (в монашестве игуменья Магдалина) стремились к подлинно духовному устройению своих общин. Они полагали, что для того, чтобы общины сестер милосердия стали церковными, их необходимо преобразовать в церковные женские общины (общежития) с иноческими правилами или в монастыри.

Таким же виделся путь воцерковления уже созданных общин и тогда, возможно, и звания «сестры милосердия» святителю Московскому Филарету. Это следует из его частных замечаний и советов, данных в разное время учредительницам первых общин.

Так, на просьбу великой княгини Марии Николаевны, одной из основательниц и покровительниц Свято-Троицкой общины, высказать свои замечания по поводу уже утвержденного устава, он советовал сестрам давать пожизненный обет, некоторым сестрам и настоятельнице принять монашеский постриг и наделить настоятельницу такими же правами, какие ей давались в женском монастыре. О межконфессиональном составе общины митрополит Филарет замечает: «Разность вероисповеданий препятствует сгармонизировать общину в духовно-нравственное единство, одушевить одним общим духом и дать ей внутреннюю силу» [21]. Но большинство его советов не было принято.

Митрополит Филарет также одобрял и попытки великой княгини Елены Павловны превратить Крестовоздвиженскую общину в церковную. По ее просьбе, он послал ей правила, написанные для женских общежитий, Спасобородинского и Одигитриевского, «чтобы они послужили некоторыми мыслями» [22].

Великая княгиня Александра Петровна, устроительница Покровской общины, пожелавшая «дать сей общине направление более духовное», тоже обращалась к митрополиту Филарету за советом и решилась преобразовать ее в монастырь [23]. Но по разным причинам этого не случилось.

Можно сказать, что отношение митрополита Филарета к зарождавшимся в Петербурге общинам сестер милосердия, было очень настороженным и критичным. Однако своего мнения публично и обстоятельно он не изъяснял, поскольку первые общины учреждались представителями Императорского Дома и на общем фоне российской жизни представлялись явлением незначительным. В частности же, митрополит Филарет отмечал, что эти общины создаются по «иностранным образцам» и одобрил мнение священника Иоанна Янышева, выраженное в Записке «Об учреждении общины сестер милосердия в Православной церкви». В ней только что оставивший должность духовника Крестовоздвиженской общины и будущий ректор Петербургской духовной академии довольно резко выступил против таких общин, заключая словами:

«Учреждать же общину лицу, не призванному на это дело свыше, утверждать не личными подвигами самоотвержения, ради Христа, а только материальными средствами и уставами; учреждать из лиц, вовсе неиспытанных в деле бескорыстного самоотвержения, не имеющих иногда обыкновенного христианского воспитания, принадлежащих даже различным вероисповеданиям и в общине ищущих себе лишь приюта и пропитания; поэтому держать эту общину вне влияния церковной власти и следовательно вне ее уставов о посте, молитве, богослужении и проч.; назначить ей целью, не спасение душ как сестер, так и тех, кому они духовно и материально служат, а, например, искоренение злоупотреблений чиновников в госпиталях, развитие честности в служителях и проч.; и при том украшать сестер христианскими крестами [24], а общину – именем христианского милосердия: все это есть такое предприятие, которое не только осуществить, но и принять с церковной точки зрения невозможно [25].

Другой путь воцерковления общин и вместе с тем, возможно, звания сестры милосердия наметился на рубеже 60-х и 70-х годов учреждением образцовой Псковской Иоанно-Ильинской и Московской Владычне-Покровской епархиальных общин сестер милосердия. Они были приписаны к женским монастырям, и в них изначально были введены некоторые правила монашеского общежития. По замыслу их основательницы игуменьи Митрофании (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен), поддержанному императрицей, такие общины необходимо было создавать в каждой епархии и каждом губернском городе, что отражено в названии Псковской общины – «образцовой». Общественную значимость епархиальных об-

щин м. Митрофания видела не только в делах благотворительности, но и в идейном противодействии распространяющемуся «нигилизму» [26].

Одновременно с епархиальными общинами в рамках зарождающегося Общества попечения о раненых и больных воинах (позднее – Российское общество Красного Креста.) был образован Дамский комитет Общины сестер милосердия, возглавляемый игуменьей Московского Вознесенского монастыря Паисией. После ее смерти председательницей комитета стала игуменья Митрофания. Этот комитет «положил в основание мысль о том, что в деле подготовки сестер милосердия лучше всего воспользоваться содействием монастырских подвижниц». В комитет вошли также игуменья Алексеевского монастыря Иллария и игуменья Страстного монастыря Антония [27].

Некоторые организаторы Общества на первых порах возлагали большие надежды на монастыри, считая, что именно они должны стать «рассадниками сестер милосердия» [28]. На такой призыв одним из первых откликнулся Казанский Богородицкий женский монастырь [29]. Его примеру последовали монастыри в Симбирске, Астрахани и Смоленске и особенно в Костроме, «благодаря особой заботе и старательности» игуменьи Костромского Крестовоздвиженского монастыря матери Марии [30].

Но все эти начинания так и не получили в дальнейшем существенного развития. Игуменья Митрофания была арестована и осуждена за мошенничество и подделку векселей. Одной из главных причин своего поругания мать Митрофания называла учреждение епархиальных общин сестер милосердия [31]. Как утверждали ее враги, в своем падении игуменья Митрофания стала жертвой собственного честолюбия и чрезмерной активности. Но ее вина несоизмерима с тем неслыханным скандалом, который раздули с какой-то мстительной злобой либералы обеих столиц и вокруг следствия, и вокруг судебного процесса. Дело организации епархиальных или каких-либо иных церковных общин сестер милосердия было скомпрометировано в глазах светского общества, от него отшатнулось монашество.

Впоследствии общины сестер милосердия учреждались Российским обществом Красного креста (РОКК). Их главной задачей стала даже не благотворительная деятельность, а «подготовление опытного женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными, как в военное, так и в мирное время». Этим персоналом и являлись сестры милосердия. Правда, РОКК предприняло попытку переименовать их просто в «сестер Красного Креста» [32], но вскоре старое название вернули. По Нормальному уставу, утвержденному для общин сестер милосердия Красного Креста, в них принимались лица «христианского вероисповедания» (§ 35), что подразумевало сохранение межконфессионального состава общин. Сестра налагала на себя «нравственную обязанность служить<...>с любовью и кротостью» (§ 43) [33].

Главными принципами, положенными в основание общин сестер милосердия РОКК, стали гуманизм и патриотическая идея. Именно их в свое время отстаивал знаменитый русский хирург Николай Иванович Пирогов, главный врач Крестовоздвиженской общины. При обсуждении вопроса о том, какой должна стать Крестовоздвиженская община после ее возвращения с Крымской войны, Пирогов стоял за «нравственно-филантропическое» направление, отвергая «религиозно-орденское» [34]. Он считал, что это более соответствовало духу и потребности времени. А «наше православие, – как писал он Е.М. Бакуниной, – содержит в себе начало незаконченное и способное к развитию... оно пригодится не для нас, но может быть для наших внуков».

Н.И. Пирогов, известный своим патриотизмом, полагал, что «наши учреждения сестер ничего не должны заимствовать у западных, а должны устанавливаться на

новых началах» [35]. Тем удивительней, что за «новые начала» он принял европейский гуманизм, во многом на несколько лет опережая другого филантропа — Анри Дюнана, основателя Международного комитета Красного Креста и инициатора принятия Женевской конвенции «О б улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны» . И уже на склоне лет, посвятив остаток жизни религиозной философии [36] и рассуждая об общинах сестер милосердия, Пирогов замечал: «Православные монахини или учреждения диаконисс в наше время не годятся. Наша церковь не имеет никаких преданий для подобных учреждений, и она настолько консервативна и формальна, что не в силах применится к насущным требованиям нового времени».

Идеал российской сестры милосердия представлялся ему так: «Наша сестра милосердия не должна быть православной монахиней. Она должна быть женщиной с практическим рассудком и с хорошим техническим образованием, а при том она непременно должна сохранить чувствительное сердце» [37], «Чувствительное сердце» — все та же способность к эмоциональному состраданию, сочувственное милосердие.

Но эти «нравственно-филантропические» начала отходили на второй план, когда от сестер потребовалось все больше знаний и практических навыков, т.е. профессионализма. Заимствованное у католиков звание сестры милосердия, не укорененное в традициях Православия, претерпело в России полную секуляризацию и стало официальным названием женской медицинской профессии. Сестра милосердия и даже милосердная сестра в обиходе звучало несколько высокопарно, и недаром раненые и больные предпочитали ему более простое и ласковое — «сестрица», «сестричка».

Что касается общин, то их общежития с псевдомонашеским укладом нередко превращались в казарму, где женщина обрекала себя на безбрачие ради получения специальности, жилья и куска хлеба. Собственно благотворительная деятельность сестер, первоначально состоявшая в оказании бесплатной помощи бедным больным, становилась незначительной, поскольку за лечение в больницах общин обычно взимали большую плату. Аскетическое подвижничество заменялось кратковременным героизмом во время военных действий и народных бедствий. Безвозмездность тяжелого труда сестер, не была вольным нестяжательством и диктовалась не только интересами общины, но и корыстными интересами общественных и государственных ведомств. Служить «с любовью и кротостью» в таких условиях становилось все труднее, и не удивительно, что в общинах сестер милосердия отмечался нравственный и профессиональный упадок [38] .

Общины сестер милосердия сыграли основную роль в становлении новой женской специальности, ведя профессиональную подготовку сестер на своих учебных курсах и в собственных заведениях. Но со временем они становились тормозом для дальнейшего развития профессии сестры милосердия. Женщины, желавшие ею овладеть, стремились на различные учебные курсы, не вступая в общины или отслужив в них минимальный срок.

Церковный институт сестер милосердия в России так и не сложился [39]. Подводя итоги, можно сказать, что первоначальное народное название первой российской общины сестер милосердия — «община на Песках», — данное по месту ее нахождения, приобретает символическое значение. Как писал об общинах сестер милосердия священномученик Сергей Махаев, законоучитель московской Иверской общины: «... думали, что можно строить здание христианской любви на зыбком основании мирской благотворительности, забывая, что это значит желать действия без причины, так как добродетель христианского самоотвержения есть проявление

христианского духа и нельзя требовать совершения этой добродетели от людей, не имеющих этого духа. <...> Во всяком случае, милосердие, покоящееся только на естественных чувствах сострадания и долга, не имеет того богатства содержания, внутренней силы и устойчивости, какие присущи только христианскому милосердию» [40].

Святая преподобномученица великая княгиня Елизавета Феодоровна, учреждая свою Марфо-Мариинскую обитель Милосердия, противопоставляла ее светским общинам сестер милосердия. Она полагала, что церковность и устойчивое положение Обители, даже после ее смерти, придаст присвоение сестрам звания диаконисс [41]. До окончательного решения этого вопроса насельниц Марфо-Мариинской обители называли «крестовыми сестрами», но не сестрами милосердия.

На рубеже 80-х и 90-х годов XX столетия в России вновь появились общины сестер милосердия. Так стали называться группы православных мирянок во главе со священниками, объединившихся для оказания помощи больным, сиротам, престарелым, бездомным, бедным.

То время было отмечено особыми приметами. Русская Православная Церковь, наконец, получила возможность возродить традиционную благотворительную деятельность и имела значительный, как казалось тогда, «людовой ресурс», готовый ее осуществлять. Большая часть народа оказалась на грани нищеты и представляла собой «зримый объект» для благотворительности. С Запада шли мощные потоки гуманитарной помощи: продуктовой, лекарственной, вещевой и денежной, в получении и распределении которой РПЦ получила большой кредит доверия. Все эти факторы сыграли немаловажную роль в образовании первых общин сестер милосердия.

«Идейным» стимулом для их возникновения стало возвращение в Россию имени святой преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители Милосердия в Москве. Св. Елизавета сразу снискала широкое молитвенное почитание и любовь многих православных женщин, которые зачитывались ее жизнеописанием и желали ей подражать. Недаром многие возникшие в России общины носят имя этой великой святой XX века.

Кроме того, в общественном сознании еще не стих резонанс от на шумевшей статьи известного писателя Даниила Гранина «О милосердии», опубликованной «Литературной газетой» в марте 1987 года. С его легкой руки запрещенное и забытое слово вырвалось на свободу и радостно перепевалось на все голоса. ««Заниматься милосердием» – стало новой модой в интеллигентской и околоинтеллигентской среде (советский middle – class)» [42], – пишет петербургский правозащитник и юрист Игорь Карлинский. В Ленинграде было создано общество Милосердия «Ленинград», в Москве – благотворительный фонд «Сопричастность», в работе которых принимали участие и верующие.

Примечательно и то, что первые общины сестер милосердия возникли в местах, где упомянутый класс имел значительное представительство: в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирском Академгородке. Именно выходцы из его среды как активные православные неофиты оказались в числе организаторов новых общин.

Пятнадцатилетняя история современных общин сестер милосердия, большинство из которых после принятия нового Устава РПЦ МП в 2000 году именуется сестричествами, – обширная и непростая тема, требующая особого исследования.

Остановимся лишь на одном вопросе: какой смысл вкладывается теперь в звание «сестра милосердия»? Здесь, пожалуй, наиболее интересны и важны мнения, высказанные основателями первой современной общины сестер милосердия, названной теперь Свято-Димитриевским сестричеством (Москва). Ведь она послужит-

ла образцом для подражания общинам, созданным в других городах, чему способствовали сами москвичи, широко пропагандируя свои идеи. В 1992 году община учредила первое и единственное в стране Свято-Димитриевское училище сестер милосердия.

Студентам этого училища внушается, что сестра милосердия – это православная медицинская сестра. Духовник сестричества, настоятель больничного храма во имя св. благоверного царевича Димитрия при Городской клинической больнице № 1, председатель Комиссии по церковной социальной работе при Епархиальном совете Москвы протоиерей Аркадий Шатов считает: «Сестра милосердия – это высокая квалификация, потому что здесь важно не только умение делать медицинские процедуры, не просто знание анатомии и каких-то других специальных предметов. Нужно еще и любящее сердце, которое, к сожалению, не часто встретишь» [43].

Но бывают ли профессии православными? На наш взгляд, ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. Христианин может заниматься любой деятельностью, не запрещенной канонами. И медицина, в том числе и сестринское дело, – такая же сфера профессиональной деятельности как строительство или педагогика, и в ней могут быть хорошие и плохие специалисты, независимо от их веры и убеждений. Прекрасно, если вера и православие пронизывает всю жизнь и деятельность человека. Но это состояние возможно лишь при стяжании святости, обождении, к которым многие живущие лишь стремятся. Внешняя православность еще далеко не святость, и при недостаточно добросовестном отношении к своим профессиональным обязанностям «православная медсестра» – рискует тем, что имя Божие будет хулиться у язычников. И потом, можно ли считать милосердие профессиональной характеристикой? Ведь евангельский призыв быть милосердными обращен ко всем, независимо от пола и профессии.

На вопрос, какими должны быть сестры милосердия, о. Аркадий отвечает: «Первое – хотелось бы, чтобы они были верующими, тянулись бы к вере, хотели бы быть с Богом. Чтобы они были милосердными, сострадали чужому горю. Чтобы были целомудренными, бескорыстными, послушными, скромными» [44].

Александр Владимирович Флинт, тогда директор Свято-Димитриевского училища сестер милосердия, в интервью, данном журналу «Нескучный сад» признает: «Сейчас с понятием «сестра милосердия» есть некоторая путаница. Одна из сложностей нынешнего времени – то, что в это понятие каждый вкладывает свой смысл. А если вернуться к истории, то надо понимать совершенно однозначно: сестра милосердия до революции – это просто медицинская сестра» [45].

Но теперь, когда это название вернулось, оно, по мнению А.В. Флинта, имеет другое значение. Врач по профессии и многолетнему стажу работы, он хорошо знаком с той медициной, которая сформировалась еще в советские годы. Поэтому понятно его желание противопоставить «ту систему здравоохранения, которая существует, некой другой – более человеческой, более разумной», а «сестру, формально относящуюся к своим обязанностям, сестре-христианке». А.В. Флинт считает, что «сестра милосердия – это профессиональный медик, но плюс особые душевные и духовные качества»,

К такой простой «арифметике» он добавляет: «Сегодня, официально называя человека сестрой милосердия, мы все время путаем его статус. Ведь, по сути, это оценочное название. И бывает так, что сегодня я сестра милосердия, а завтра я ехидна. Потому что я сегодня больного люблю и занимаюсь им, а завтра они мне все надоели и я ими заниматься не хочу. И никакой сестрой милосердия по сути уже не являюсь».

Получается, что «сестра милосердия» – некая высшая оценка, прежде всего, душевных качеств медсестры, даваемая кем-то извне, со стороны. Изнутри же оценить себя «милосердной сестрой», а не «ехидной», вряд ли возможно, имея хоть толику трезвости.

Еще интереснее признание А.В. Флинта, что и в существующей системе здравоохранения «есть замечательные медсестры, которым надо ставить памятник. Которые остались работать, которые работают с тяжелыми больными. Они тоже сестры милосердия. Конечно, они нецерковные, но они сестры милосердия, потому что они любят больных и заботятся о них. И жизнь свою за них отдают. Вот их бы воцерковить...».

Таким образом, идеальный образ сестры милосердия во многом по-прежнему рисуется по-пироговски. Это – профессионал «с непременно чувствительным сердцем», т.е. постоянной душевной способностью любить больного и сострадать ему, но с той лишь разницей, что во времена Пирогова все сестры были воцерковлены. Ведь, так или иначе, им преподавался катехизис, а не курс с режущим слух названием «Духовные основы милосердия», который читается в православном медучилище.

Впрочем, о духовных качествах сестры милосердия и «духовных основах» представим судить людям духовным. Остановимся лишь на доступном и насущном.

По правилам православной аскетики наше «чувствительное», неочищенное сердце – очень ненадежный «орган», даже если человек борется с кипящими в нем страстями. От него как центра душевно-эмоциональной жизни нельзя требовать «непрерывности», постоянства, если человек не достиг святости. Его чрезмерное и постоянное понуждение на сострадание и любовь к больному не по силам тем, кто лишь стремится к ней. «Чувствительное сердце» чревато психическим и физическим нездоровьем.

Интересно, что к сходным выводам пришли и психологи. Сравнительно недавно в психологии и психиатрии появилось понятие «эмоционального или психического выгорания» и «синдрома эмоционального выгорания» (СЭВ). Он характеризует состояние людей, находящихся в интенсивном и тесном общении с клиентами (пациентами) в эмоционально нагруженной атмосфере при оказании профессиональной помощи. Согласно современным данным, СЭВ выражается в физическом, эмоциональном и умственном истощении, проявляющемся в профессиях социальной сферы. К последним, безусловно, относится и профессия медицинской сестры.

В своих выступлениях А.В. Флинт неоднократно упоминал о проблеме СЭВ и среди сестер милосердия [46]. Недавно эта тема стала предметом активного обсуждения в Архангельском сестричестве св. царственной страстотерпицы Александры Феодоровны. Думается, что распространенность СЭВ среди тех, кто, немощными силами стремится оправдать «столь высокое звание», неслучайна. Она может быть вызвана теми неправильными аскетическими установками, которые невольно (как «изнутри», так и «извне») диктуются оценочным званием.

Не случилось ли так, что мы опять вернулись к тем «милосердным сестрам», которыми грезил XIX век? Чем требования, предъявляемые к современным сестрам милосердия, отличаются от тех, что закреплены в уставе первой – Свято-Троицкой – общины сестер милосердия? Пожалуй, только тем, что «набожность» в них заметится «воцерковленностью».

И еще об одном. Если в общественном сознании конца 80-х – начала 90-х годов «понятия «милосердие» (состояние души) и «благотворительность» (деятельность на благо других) легко перепутались в умах», то за прошедшие 15 лет они, наконец, устоялись и разделились [47].

Благотворительная деятельность в России получила правовую базу, пусть и далекую от совершенства. Благотворительные организации составляют широкий общественный спектр, способствующий реализации гражданских прав и свобод. Специализация их различна: от помощи отдельным группам обездоленных, до поддержки науки, культуры, искусства. А с нашумевшим «милосердием» поступили, как подобает российским интеллигентам. Как пишет Игорь Карлинский: «Не будем выставлять святое напоказ, и размахивать им как флагом перед досужей публикой. Пусть будет в сердце».

В массовом же церковном сознании понятия «милосердие» и «благотворительность» не только не определились, но еще более переплелись и перепутались. Стоит указать лишь на некоторые кричащие заголовки-лозунги лучших, в профессиональном отношении, православных СМИ, таких, как сайт Милосердие.ру [48] и журнала «Нескучный сад»: «Начни день с милосердия!», «Милосердие – не мужское дело?», «История милосердия», «Летопись милосердия».

Скажем еще об одной путанице, сразу возникшей в современных общинах. На косынках старого покроя, которые носят сестры милосердия, как правило, красуется «красный крест» или «женевский крест» – эмблема Международного Комитета Красного Креста, а также РОКК и других национальных обществ Красного Креста. В качестве таковой был взят герб Швейцарии (белый крест на красном фоне) с обращением цветов из чисто практических соображений. «Красный крест» на белом фоне был заметен издали и сигнализировал о месте нахождения санитарного персонала и его нейтралитете. До октябрьского переворота 1917 года «Красный крест» как нашивка носился сестрами милосердия на передниках и нарукавной повязке. Уже тогда он не воспринимался как религиозный символ [49], и большевики, «ликвидировав» слово «милосердие» как «поповское», оставили его в качестве эмблемы советского Красного Креста. Современное РОКК также сохранило этот знак, а его работницы по праву преемства называются сестрами милосердия. Поэтому нередко от больных, особенно пожилого возраста, впервые увидевших современных сестер милосердия в таких косынках с крестами, нередко можно услышать: «Вы из Красного Креста?».

А. В. Флинт признавал: «В нашем училище мы сами себя посадили на крючок: своим названием – «училище сестер милосердия» – мы как бы объявили, что это звание может быть зафиксировано в образовательной программе, что это формальное название профессии. Каковым это слово не является и не должно быть».

Но, кажется, дело обстоит еще хуже. Не посадили ли мы сами себя на крючок, необдуманно вернув из небытия звание сестры милосердия в стиле «православного» ретро, дав возможность теперь толковать его на все лады? Не мы ли сами, не учтя уроков прошлого, внесли сумятицу не только в умы, но и в души, и судьбы людей?

Используемые источники

- [1] Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. I. С. 982.
- [2] Lexikon für Theologie und Kirche. Herder. Freiburg. Basel. Rom, Wien. 2001. B. 10. S. 795
- [3] Rules of the Daughters of Charity, Servants of the Sick Poor. Ch. I // Vincent de Paul and Louise de Marillac. Rules, Conferences, and Writings. N.Y., 1995. P. 169 (рус. пер.).
- [4] Sisters of Charity of St. Vincent de Paul // Catholic encyclopedia: <http://www.newadvent.org/cathen/03607a.htm> (рус. пер.).

- [5] Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854 – 1860) // Вестник Европы. 1898. №6. С. 603.
- [6] Тема милосердия в течение многих веков привлекала внимание католических богословов. Ей посвящены несколько десятков страниц авторитетного словаря *Dictionnaire de Spiritualité, Ascétique et Mystique. Doctrine et Histoire*. Vol. 6. Paris. 1993.
- [7] *Rules of the Daughters of Charity ...* P. 169 (рус.пер.)
- [8] Vincent de Paul and Luisede Marillac. *Rules, Conferences, and Writings*. N.Y., 1995. P. 168.
- [9] Власов П. А. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 401.
- [10] Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. С. 24.
- [11] Русская община сестер милосердия и отсутствие в ней духа народности // Дух христианина. 1861 – 1862. Март. С. 295.
- [12] В скобках: первая дата – год основания общины, вторая – дата утверждения первого устава.
- [13] *Das Evangelische Hospital und Diakonissenhaus in St.Petersburg im Laufe seines funfzigjahrigen Bestehens*. St.Pbg., 1909. S. 4 – 5.
- [14] Смолич И. К вопросу о периодизации истории русской церкви. Перевод с немецкого и научное редактирование архимандрита Макария (Веретенникова) // Альфа и омега. “№ 3 (17). 1998. Электронная версия: <http://ao.orthodoxy.ru/arch/017/017-smol.htm>
- [15] Милосердие к ближнему (фр.).
- [16] Бакунина Е. М. Указ. соч. С.603.
- [17] Устав заведения Общины Сестер Милосердия // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. XXIII. отдел 1. 1848. 1849. СПб., С.612.
- [18] Леонтьев Константин. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике // Храм и церковь. М., 2003. С. 393.
- [19] Материалы для истории христианской благотворительности в Одессе // Прибавление к Херсонским ведомостям. 1877. №17. С. 521 – 526; Наставления сердобольным сестрам. Одесса, 1852.
- [20] Материалы для истории... С. 525.
- [21] Замечания митрополита Филарета на устав Свято-Троицкой общины сестер милосердия и проект новых правил для общины // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1885. Т. III. С. 270–273.
- [22] Письма митрополита Филарета к А. Н. М. 1832-1867. Киев, 1869. С.461-462, 464.
- [23] Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию. 1831-1867. Ч. М., 1884. С. 479-480.
- [24] Ношение наперсных крестов первые общины заимствовали у католических монахинь: либо непосредственно, либо через сердобольных вдов (благотворительного института, учрежденного императрицей Марией Феодоровной в 1814 г.).

- [25] Мнение митрополита Филарета о записке священника И. Л. Янышева относительно вопроса об учреждении общины сестер милосердия в православной России (1858 г., 24 августа) // Собрание мнений и отзывов Филарета Митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. IV. С. 341 – 343. Пунктуация оригинала.
- [26] Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, в монашестве Митрофании // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 288.
- [27] Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1870. № 2. С. 2. С. 7.
- [28] Там же. 1871. № 8. С. 9; № 10. С. 12.
- [29] Там же.. 1871. № 1. С. 6.
- [30] Там же. 1874. № 8. С. 2 – 3.
- [31] Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, в монашестве Митрофании. // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 288.
- [32] Правила о сестрах Красного Креста, назначенных для ухода за больными и ранеными воинами // Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах.
- [33] Нормальный Устав общины сестры милосердия РОКК. СПб., 1903. С.12, 15.
- [34] Пирогов Н. И. Письмо Е.М. Бакуниной. № 4. 5 августа 1857. Одесса // Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С.138.
- [35] Пирогов Н. И. Из письма к Э.Ф. Раден. 27 февраля 1876. Вишня. // Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 209.
- [36] См.: Зеньковский В.В. История русской философии. Т. I. Ч. 2. Л., 1991. С.184-195; Пирогов Н.И. Религиозно-философские письма. Пг., 1916.
- [37] Пирогов Н. И. Из письма к Э. Ф. Раден. 27 февраля 1876. Вишня. // Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 209.
- [38] Миркович Т. Российское общество Красного креста и общины сестер милосердия. Записка запасной сестры милосердия Красного креста об одной из наиболее важных причин вредно влияющих на постановку вопроса об уходе за больными и ранеными в России. СПб., 1910.
- [39] См: Карпычева Л.А. Общины сестер милосердия и православная церковь // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. 2004/2005. СПб., 2005. С. 120-138.
- [40] Вестник Красного Креста. 1916. С. 1420-1422.
- [41] Карпычева Любовь. Святая преподобномученица Елисавета Феодоровна: монахиня или диаконисса? // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2005. № 21. С. 71.
- [42] Карлинский Игорь. От милосердия до благотворительности – путь длиною в двенадцать лет // Пчела. 1998. «№ 16. Октябрь-ноябрь. Электронная версия: [http:// www. pchela.ru /podshiv /16/ path. htm](http://www.pchela.ru/podshiv/16/path.htm)
- [43] Сайт Встреча: [http:// vstrecha.glasnet.ru /college/admission.htm](http://vstrecha.glasnet.ru/college/admission.htm)
- [44] Милосердие определяется сочувствием. Интервью с протоиереем Аркадием Шатовым, настоятелем храма святого благоверного царевича Димитрия при Голицынской (ныне 1-й Градской) больнице в Москве: Мир Божий. 1999. № 1 (4). Электронная версия на сайте Русское воскресение: [http:// mir. voskres. ru /mirbo 04/ a14.htm](http://mir.voskres.ru/mirbo04/a14.htm)

-
- [45] Медсестра милосердия // Нескучный сад. 2003. №1 (5). Электронная версия: <http://www.nsad.ru/index.php?issue=6§ion=8&article=97&print=1>
- [46] Это явление очень точно и ярко иллюстрируется записками одной из сестер : 34 часа 30 минут. Дневник дежурной санитарки // Нескучный сад. 2005. № 3 (14). С. 72-79.
- [47] Карлинский Игорь . От милосердия до благотворительности – путь длиною в двенадцать лет. // Пчела. 1998. “№ 16. Октябрь- ноябрь. Электронная версия: <http://www.pchela.ru/podshiv/16/path.htm>
- [48] <http://miloserdie.ru>
- [49] [Михайлов Д. Красный Крест и сестры милосердия в России и за границей. Пг.-Киев, 1914. С. 13.

Общины сестер милосердия и православная церковь

Л. А. Карпычева
(Санкт-Петербург)

Опубликовано в «Благотворительность в России.
Исторические и социально-экономические исследования.
2004/2005. СПб., 2005. С. 120-138.

В литературе до 1917 г. сведения об общинах сестер милосердия имеются во множестве источников, но среди них почти нет таких, где история общин излагается систематически и анализируется. Пожалуй, лишь в книге П. А. Илинского [1] дается подробное описание первых общин, возникших в 1840-е – 70-е гг., и их классификация. Первой значительной современной публикацией, содержащей множество разнообразных, хотя не всегда точных, сведений об общинах и обширный библиографический список, являются «Очерки по истории общин сестер милосердия» А. В. Постернака (ныне священника Андрея Постернака, декана исторического факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета) [2].

Не задаваясь задачей систематического и аналитического изложения истории общин, автор «Очерков» тем не менее приходит к определенным суждениям и обобщениям, требующим, на наш взгляд, более тщательного обоснования. Так, о. Андрей утверждает, что первая российская община – Свято-Троицкая – возникла и развивалась «в русле уже существовавших традиций... и не могла быть никакой иной, как только *полумонашеской*» [3]. Именно такая община, по его мнению, и послужила образцом для других, возникших позднее. Под определением *полумонашеская*, автор подразумевает, что различные элементы ее устройства – совместное проживание, молитва, еда, безвозмездная работа, строгая дисциплина – были заимствованы из уклада православных монастырей. Кроме того, сестры милосердия первых общин давали обещание (присягу) служения ближнему, сопровождавшееся церковным обрядом и напоминающее монашеские обеты.

Тем не менее, для того, чтобы судить о *полумонашеском* или каком-то ином характере общин сестер милосердия, необходимо рассмотреть их в общей системе российской благотворительности, определить меру участия в них Российской православной церкви и сравнить их с подобными организациями на Западе.

Как известно, западными прототипами первых российских общин сестер милосердия послужили лютеранские общины диаконисс (Diakonissenhauser) и католическое Общество дочерей (сестер) милосердия Венсана де Поля. У католиков российские общины заимствовали название «сестры милосердия», кальку с французского «soeurs, filles de charite, de la misericorde». Это словосочетание, привычное для россиян уже в конце XIX века, поначалу звучало несколько не по-русски, и недаром народ переименовывал его в «милосердных сестер» [4]. Оно было чуждым для «православного слуха», как типичное название католических орденов и конгре-

гаций: «Дочери Страстей Христовых», «Сыновья Непорочного Сердца Девы Марии», «Сестры Святого Семейства», и т.п., отражавших своеобразный культ родства Предмету особого почитания в этих церковных организациях. Так, в «Правилах дочерей милосердия, служащих бедным больным» записано: «Принципиальная цель, для которой Бог призвал и устроил дочерей милосердия – почитать Господа нашего Иисуса Христа как источник и образец всякого милосердия, служа Ему телесно и духовно в лице больных, будь то бедные, дети, заключенные или другие...» [5].

Католическое Общество дочерей милосердия, служанок бедных, основано во Франции священником Венсеном де Полем и Луизой де Марийяк Ле Гра [6]. Ещё в 1668 г. оно приобрело церковно-юридический статус католической конгрегации, устав и правила которой почти не отличались от монашеских орденов [7]. Общее управление конгрегацией осуществлял глава (superior) мужской священнической конгрегации Миссии (лазаристов), а также настоятельница (superioressa). Первой из них была Луиза де Марийяк, 7 апреля (на Благовещение) 1642 г. давшая вместе с другими сестрами монашеские обеты безбрачия, бедности и послушания. Этот дата ежегодно торжественно отмечается как праздник конгрегации Дочерей Милосердия [8]. Общество состояло из отдельных общин, которые имели в больших городах собственные Дома под управлением настоятельницы.

В середине XIX века сестрами милосердия во Франции называли также представительниц других католических конгрегаций и орденов, занимавшихся уходом за больными, о чем повествует в своих воспоминаниях начальница Крестовоздвиженской общины сестер милосердия Екатерина Михайловна Бакунина. О дочерях милосердия («des Soeurs de St Vincent de Paul») она пишет: «У них все очень строго, хотя они произносят обет на один год, после пяти лет de professorat (не знаю, как перевести это слово)» [9].

Исключительно церковный статус Общества Дочерей (сестер) милосердия в современной литературе затушевывается [10] или невольно искажается, в результате чего оно превратилось в «гражданское благотворительное общинное движение» [11].

Общины лютеранских диаконисс, первую из которых основали в 1836 г. немецкий пастор Теодор Флиднер и его жена Фредерика, также были церковными организациями.

Большая община (Mutterhaus – материнский Дом) состояла из десятков отделений (филиалов) в разных городах и странах. К 1910 г. таких материнских Домов (Общин) насчитывалось 80 с 4 000 отделений при 15 000 диаконисс [12]. Общее управление каждым Домом осуществлялось Союзом во главе с Советом, где ключевые посты занимали священнослужители лютеранской церкви. Непосредственное руководство местным Домом предоставлялось Ректору (он же – пастор в церкви при Общине), а также настоятельнице диаконисс [13]. Диакониссы, находясь на полном содержании общины, подчинялись строгим правилам общежития и дисциплины. Они служили в больницах, приютах, семинариях, школах. Вступающие в Общину сначала просто получали благословение пастора, но со временем сложился торжественный церковный обряд посвящения. Диакониссы считались служительницами лютеранской церкви, не признающей монашества. Е. М. Бакунина, посетившая дом диаконисс «Вифания» близ Берлина, в своих воспоминаниях отмечает: «Хотя это и протестантская община, но в ней тоже сильное религиозное направление. И утром, и вечером общая молитва в церкви, и даже мне говорили, что диакониссы причащаются почти каждый месяц» [14].

Католические и лютеранские Общины – церковные организации благотворительной и миссионерской направленности, стремящиеся распространиться по все-

му миру и обращающие в свое вероисповедание новых приверженцев. Е. М. Бакунина свидетельствует: «Я не знаю, каковы были сестры при св. Викентии, когда он сам их устроил, ... но теперь это чисто произведение католичества, и такие сестры возможны только при братьях лазаристах. Главная, основная мысль сестер — это пропаганда. Всякая более или менее видит в себе апостольское призвание» [15].

Помимо западных образцов основатели первых российских общин сестер милосердия использовали и отечественный прототип — институт сердобольных вдов [16], учрежденный императрицей Марией Федоровной (в 1814 г. — в Петербурге, в 1818 г. — в Москве). Сердо-больные вдовы не составляли общин, а выделялись в особый разряд пансионеров Вдовьих домов российских столиц и занимались уходом за больными. В Петербурге сердобольные вдовы по очереди несли двухнедельные дежурства в палатах Мариинской больницы для бедных, получая в придачу к полному содержанию во Вдовьих домах небольшую плату: 1,5 руб. серебром, особый стол и рюмку водки. Во внеслужебное время они подчинялись всем довольно строгим, внешне почти монастырским, правилам Вдовьих домов.

Если Вдовьи дома возникли как учреждения общественного призрения, то институт сердобольных вдов — скорее частная инициатива императрицы Марии Федоровны, поначалу лично её и финансируемая. Церковь в лице одного из членов Святейшего Синода благословила это начинание и позволила сердобольным вдовам принимать специальное обещание (присягу), сопровождаемое церковным обрядом (посвящением).

Первые российские общины сестер милосердия заимствовали у сердобольных вдов основной текст обещания (присяги), особое почитание петербургской чудотворной иконы Богородицы Всех скобящих радости и ношение наперсных крестов. Последняя черта была, вероятно, перенята из католических миссионерских орденов как свидетельство исповедания христианства. Обещания, которые давались при вступлении в первые общины сестер милосердия [17], вторят обещанию сердобольных вдов: «Обещаю, ... что, доколе сил моих достанет, употреблять буду все попечения и труды на богоугодное служение болящим». Эта формулировка позволяла сестре милосердия оставлять общину под благовидным предлогом: нездоровья или семейных обстоятельств. Так, в Свято-Троицкой общине «менее одной трети сестер (не касаясь умерших) в состоянии были вынести эту службу более 10 лет» [18]. Этот факт необходимо учитывать при сравнении обещания или присяги сестры милосердия с пожизненными монашескими обетами. Некоторые справедливо считали такое обещание гражданской служебной присягой [19].

Отечественным прототипом для первых общин сестер милосердия могли бы послужить женские общины или «послушнические монастыри», уже десятки лет существовавшие в «недрах» российской православной традиции, внешняя деятельность которых заключалась в различного рода благотворительности. Они стали возникать после закрытия более половины российских женских монастырей Указом Екатерины II от 1764 г., когда монахини упраздненных монастырей переводились в штатные монастыри, а послушницы, оставленные без средств, создавали обители нового типа. Насельницы этих послушницких монастырей имели монастырский устав, но монашеских обетов не давали. Для рукоделия и пропитания они открывали богадельни и больницы, где ухаживали за больными и престарелыми, приюты для сирот, странноприимные дома, школы и ясли для детей. Число таких женских общин, игнорируемых гражданскими и церковными властями, росло за счет частных пожертвований и значительного числа желающих в них поступить [20].

В 1851 г. одна из таких общин, существующая в г.Задонске Воронежской губернии с 20-х гг. XIX века, обратилась к митрополиту Московскому Филарету (Дроз-

дову) с просьбой помочь ей законно утвердиться как Тихоновское Общество сестер милосердия. По этому поводу митрополит Филарет замечает: «И хорошо, что Тихоновское общежитие образовалось не по иностранным образцам, но в простоте духа православного и русского» [21]. Эта женская община была признана Синодом в 1860 г. под именем Тихоновского дома сестер милосердия, поручена епархиальному начальству, а позднее превращена в монастырь.

Ещё один пример самобытной общины представляла Иосифовская женская община (Екатеринославской губернии), устав которой приводится в сборнике Уставов общин сестер милосердия, изданных в 1879 г. в качестве образцовых. В Иосифовской общине, утвержденной Синодом ещё в 1845 г., «особенные сестры, которые именуются Сестрами Милосердия ухаживают за больными в лечебнице Общины под руководством врача». Кроме того, Община, обязанная согласно уставу, служить благотворительным целям, имела на воспитании «10 малолетних нищих-сироток», которых сестры обучали грамоте [22]. В 1885 г. община была превращена в Иосифовский внештатный женский монастырь.

В начале XIX в. церковные женские общины (общежития) с благотворительным «уклоном» приобретают все большее распространение уже с утверждения, а иногда и по инициативе, церковных властей. Начинается процесс «феминизации» русского монашества, значительный рост числа женских обителей, увеличение численности не только собственно монашеских, а в ещё большей степени послушниц. Поступая в женскую общину, послушницы не спешили принимать постриг, а жаждали участия в делах благотворительности. Эти особенности женского монашества XIX – XX вв. описанные многими исследователями, вызваны самыми разнообразными причинами: экономическими, социально-политическими, аскетическими и т.п. [23].

Но женские общины такого рода остались вне поля зрения учредителей первой российской общины сестер милосердия (впоследствии Свято-Троицкой) великих княгинь Мария и Александры Николаевны, Принца Петра Георгиевича Ольденбургского и его супруги Терезии Васильевны. Они декларировали, что берут в пример лютеранских диаконисс [24]. Отчасти это можно объяснить тем, что члены Императорского дома Ольденбургские, были лютеранами. В Комитет общины поначалу входила и лютеранка кн. Мария Федоровна Барятинская, вскоре основавшая свою общину Литейной части (с 1890 г. – во имя Христа Спасителя). Указание на диаконисс было, вероятно, предпочтительнее, по причине большей веротерпимости при Дворе и в высших кругах общества к лютеранам, чем к католикам.

Уставом первой Общины сестер милосердия от кандидаток и сестер требовались «набожность» и «удостоверение в хорошей их нравственности» и не предписывались никакие духовные правила в традициях Православия [25].

Для сравнения можно вспомнить, что одно из первых правил Венсана де Поля для Дочерей Милосердия призывало их «ценить спасение своей души превыше всех земных вещей» [26]. Далее правила, в традиции католических орденов, детально регламентируют все необходимые для этого духовные и телесные упражнения, в том числе и поведение с больными, их родственниками, духовниками. В служении больным сестры должны стяжать добродетели, которые католики называют «сверхдолжные», т.е. обязательные только для монахов, а не для всех христиан. «Плата за уход отнимает у них священный характер сестры милосердия», – со слов настоятельницы поясняла Е. М. Бакунина [27]. В Правилах лютеранских диаконисс особо подчеркивалось, что служение вовсе не позволяет им считать, что они имеют перед Богом какие-то «сверхдолжные» заслуги Богом. «Никто не должен полагать, в ошибочном и не евангельском мнении, что в призвании диаконисс [Diakonissenberuf] легче найти покой для души в Доме диаконисс или что служение в таковом при-

звании приятнее Богу, чем в своей собственной семье или в других христианских призваниях» [28]. В 1910 г. Правила и устав общин диаконисс — «исключительно религиозного содержания» [29].

По-видимому, в требованиях к сестрам и диакониссам как католики, так и протестанты исходили из особенностей собственного вероучения, в то время как в правилах для первых российских сестер можно усмотреть лишь некоторые предписания нравственно-гуманного характера.

Укажем и на такую важную особенность первой российской общины, как её межконфесс-сиональность [30]. В неё на равных правах принимались православные, лютеранки и католички. При Свято-Троицкой общине были построены две одноименных церкви — православная и лютеранская, в которой также совершались католические богослужения [31], а первой настоятельницей общины стала англичанка Сарра Биллер, из квакеров, после литургии читавшая и толковавшая сестрам Писание. В 1848 г. в общине состояло 12 сестер милосердия православного вероисповедания, 5 лютеранок и 3 католички [32]. О межконфессиональности Свято-Троицкой общины было известно митрополиту Московскому Филарету, одному из самых авторитетных архиереев XIX века, которому учредители общины прислали устав на рассмотрение. В ответ он писал: «В уставе нет правила, которые допускало бы в состав общины лиц, не принадлежащих к православному вероисповеданию. Хорошо, если так и на деле. Разность вероисповеданий препятствует сгармонизировать общину в духовно-нравственное единство, одушевить одним общим духом и дать ей внутреннюю силу». Митрополит Филарет дает ещё множество советов [33], которые, однако, не были приняты.

Из первых общин межконфессиональными были и общины: во имя Христа Спасителя, Крестовоздвиженская и, возможно, Никольская. Объединение в одну общину сестер разных конфессий было тогда невысказано даже на Западе. Когда во время Крымской войны легендарная Флоренс Найтингейл собрала в своем отряде для ухода за ранеными англиканок и католических сестер милосердия, это вызвало возмущение со стороны «протестантских духовных фанатиков» и сестер пришлось разделить [34].

Православный священник в Свято-Троицкой общине служил на тех же основаниях, что и настоятель домовый церкви при закрытом заведении, и состоял на полном её содержании. По Уставу ему отводилась роль «блюстителя заведения в нравственном и религиозном отношении». Этот статус священника в дальнейшем был закреплен и во всех общинах сестер милосердия Российского общества Красного Креста (РОКК). Священник входил в состав Попечительного совета общин наравне с главным врачом, сестрой-настоятельницей, казначеей и уполномоченным от РОКК и был лицом выборным. Такое положение священника нельзя считать «нелепым» [35], проецируя его на современные приходские сестричества милосердия, где первенствующее место занимает, как правило, священник.

Первые общины сестер милосердия, были созданы как учреждения частной благотворительности по инициативе особ из Царского Дома и знатных дворянских родов. В Петербурге помимо Свято-Троицкой общины (1844, 1848) [36] вскоре появились: община во имя Христа Спасителя (1846, 1853), Крестовоздвиженская (1854, 1870) и Покровская (1858, 1861); в Москве — Никольская (1848?) [37]. Сначала под эгидой Общества попечения о раненых и больных воинах при Московском Дамском комитете официально утверждена община «Утоления печали» (1865, 1871, позднее Александровская «Утоли моя печали»). В порядке перечисления этих общин напомним имена их основательниц: княгиня М. В. Барятинская, великая княгиня Елена Павловна, великая княгиня Александра Петровна, княгиня Софья

Степановна Щербатова, княгиня Наталья Борисовна Шаховская. Основательницы, особенно на первых порах, выступали также главными попечительницами (т.е. строителями и содержателями) своих общин. Их громкие имена и безупречная репутация привлекали и других благотворителей в пользу общин, как из высших сословий, так и простых граждан.

До возникновения РОКК [38](1867) было основано ещё две общины: Одесская Стурдзовская община сердобольных сестер (1850, 1850) и сельская община сестер милосердия св. Марии Магдалины (1862, 1865). Первая – возникла по инициативе А. С. Стурдзы, человека небогатого, но сумевшего привлечь к делу большое число местных благотворителей и заручившегося покровительством Императорского человеколюбивого общества, вторую устроила в своем родовом имении кн. М. В. Дондуковой-Корсаковой (село Буриги Порховского уезда Псковской губернии) кн. М. В. Дондукова-Корсакова.

Первые общины, за исключением Одесской и Крестовоздвиженской, не только оказывали медицинскую помощь, но занимались воспитанием детей и призрение бедных. Все эти общины, кроме Крестовоздвиженской, сохранили свою независимость и в РОКК не вошли.

Безусловно, названные общины были учреждениями частной и, отчасти, общественной благотворительности, а не церковными организациями, в чем заключается их существенное отличие от западных католических и протестантских общин.

Вопрос о том, какими должны быть общины сестер милосердия – светскими или церковными – встал после возвращения с Крымской войны Крестовоздвиженской общины и горячо обсуждался в переписке главного врача общины Николая Ивановича Пирогова с её начальницей Е. М. Бакуниной. По мнению Н. И. Пирогова, если общине будет дан религиозный характер, то в неё нужно принимать лишь православных, и тогда «удобнее было бы определить для этой цели один из женских монастырей». И далее: «Я сам клонюсь более в сторону нравственно-филантропического направления, и думаю, что оно более соответствует духу и потребности нашего времени» [39]. Знаменитый хирург, прямой и честный человек, патриот Пирогов категорически отказывался заимствовать для российских общин что-либо с Запада, но парадоксальным образом выдавал за «новое начало», якобы «наше российское», западный гуманизм, «религию» человекопоклонства. Впоследствии пожелание Пирогова сбылось: победил гуманизм, на «религиозных» принципах которого и устраивались общины Красного Креста.

Но ещё в конце 1850-х гг. великая княгиня Елена Павловна мечтала о преобразовании своей Крестовоздвиженской общины в церковную и тщетно искала для неё настоятельницу-монахиню и достойного духовника. Недолгое время общину в должности духовника возглавлял о. Иоанн Янышев, будущий ректор Петербургской духовной академии и протопресвитер дворцового духовенства, но в 1858 г. он её оставил. В составленной для митрополита Филарета записке «Об учреждении общины сестер милосердия в православной России», о. Иоанн пишет:

«Община сестер милосердия не есть богадельня или приют для вдов и сирот женского пола, не ходит и на школу и вообще на какое-либо благотворительное или учебное женское Заведение. Это есть святое общество избранных христианок, ради любви ко Христу Спасителю и ради своего спасения добровольно оставивших все в мире, чтобы служить Господу в лице Его меньшей братии: больных, сирот, детей, странников, странниц...

И если такое общество может возникнуть и в православной России, то это может случиться тогда, во-первых, когда в членах православной церкви обнаружится

оскудение любви и частной благотворительности и созреет более или менее общее убеждение в необходимости особого сословия женщин — официальных служительниц делу человеколюбия; когда, во-вторых, вследствие сознания этой нужды, появятся лица, на самом деле жаждущие послужить немощным братьям, как самому Христу, и когда, наконец, Бог воздвигнет исполненного благодати мужа служителя церкви, или какую-либо великую женщину-подвижницу, которые бы влиянием своего примера и убеждений извлекали из мира и соединяли около себя малое стадо избранных, укрепили бы одушевляющие их святые чувства и под осенением и руководством церковной власти направили бы их к тому или другому роду благотворительной деятельности.

Учреждать же общину лицу, не призванному на это дело свыше, утверждать не личными подвигами самоотвержения, ради Христа, а только материальными средствами и уставами; учреждать из лиц, вовсе неиспытанных в деле бескорыстного самоотвержения, не имеющих иногда обыкновенного христианского воспитания, принадлежащих даже различным веро-исповеданиям и в общине ищущих себе лишь приюта и пропитания; поэтому держать эту общину вне влияния церковной власти и следовательно вне ее уставов о посте, молитве, богослужении и проч.; назначить ей целью не спасение душ как сестер, так и тех, кому они духовно и материально служат, а, например, искоренение злоупотреблений чиновников в госпиталях, развитие честности в служителях и проч.; и при том украшать сестер Христи-анскими крестами, а общину — именем христианского милосердия: все это есть такое пред-приятие, которое не только осуществить, но и принять с церковной точки зрения невозможно. А таким именно предприятием и можно назвать существующие в Санкт-Петербурге, так называемые общины: сердобольных вдов и сестер попечения о больных» [40].

В ответ митрополит Филарет замечает: «Записка о сестрах милосердия в России есть рассуждение основательное...». В 1860 г. взявшийся окормлять Крестовоздвиженскую общину молодой священник Александр Гумилевский выступил со смелой идеей превращения её в общину православных диаконисс [41], составив для этого специальный устав. В «сёстрах милосердия» он видел что-то иностранное, противное православному духу и далекое от простого народа, который чуждался одного их вида «барынь с наперсными крестами на груди». Но народ точно также сторонился бы и неведомых ему диаконисс: простых баб с ораями на шее (такое одеяние для них предлагал о. Александр Гумилевский). Рескрипт императора Александра II на проекте устава общины диаконисс, думается, был справедливым для своего времени: «не нужно искусственно придумывать новые, непонятные для большинства виды служения».

Однако «оскудение любви и частной благотворительности», о котором писал о. Иоанн Янышев, обнаруживалось не только в рабочих трущобах больших городов, но и в российской деревне. На этой благодатной почве вскоре возникло движение народничества с участием и женщин: акушеров, фельдшерниц, учительниц и даже врачей, хотя их служение народу в деле здравоохранения и просвещения зачастую питалось чуждой и даже враждебной Церкви идеологией.

Появление «исполненного благодати мужа — служителя церкви» трудно было ожидать, поскольку возглавляемая о. Иоанном Янышевым Петербургская духовная академия не воспитывала пастырей, не готовых, даже прослушав его курс «Нравственного богословия», ступить на новое поприще. Даже спустя полвека св. Елизавета Феодоровна отыскала духовника для своей Обители милосердия о. Митрофана Сребрянского лишь в провинци-альном Орле. О. Митрофан свидетельствовал: «Современное общество в большинстве лишь сохранило название христианского... В доброй половине современные люди погрузи-лись в новое язычество, можно сказать худшее прежнего, так как стали лицемерны...» [42].

Женщины – подвижницы в делах милосердия – появлялись чаще, чем «исполненные благодати мужи». Одной из них была игуменья Серпуховского Владычного монастыря Митрофания (в миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен), бывшая фрейлина императрицы Марии Александровны. В феврале 1863 г. великая княгиня Александра Петровна, жаждавшая превратить свою Покровскую общину в «деятельный» монастырь, где бы постоянная молитва сочеталась с трудами на благо страждущих, пригласила к себе игуменью Митрофанию. К этому времени мать Митрофания уже учредила в своем монастыре больницу и была её смотрительницей. Игуменья временно приняла на себя должность начальницы Покровской общины и вскоре сумела значительно её укрепить и благоустроить [43].

Вместе с тем она занялась устройством новых для России, церковных общин сестер милосердия – образцовой епархиальной Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия в Пскове (1868, 1870) и такой же Владычне-Покровской – в Москве (1869, 1871) [44]. Эти общины находились в ведении Святейшего Синода и в них, как отмечает П. А. Илинский, действительно применяются «некоторые начала монастырского общежития» [45].

П.А.Илинский выделяет три категории общин сестер милосердия. В сущности, те же самые три категории называют и А.В. Постернак: общины с широкими благотворительными задачами, военные общины (ориентированные на помощь раненым) и епархиальные общины [46]. К третьей категории епархиальных общин сестер милосердия П.А. Илинский причисляет лишь Московскую Владычне-Покровскую и Псковскую Иоанно-Ильинскую. Эти общины находились под ведением Синода, под начальством епархиального архиерея и управлялись настоятельницей того женского монастыря, к которому были приписаны: первая – к псковскому Иоанно-Предтеченскому, а вторая – к серпуховскому Владычному. Однако А. В. Постернак ошибочно включает в эту категорию ещё и церковные женские общины (общежития), которые «возникли во многих епархиях» [47]. Эти женские общины утверждались Святейшим Синодом как «зачатки» монастырей и не могут быть отнесены к общинам сестер милосердия.

По замыслу м. Митрофании церковные епархиальные общины должны были возникнуть в каждом губернском городе, в каждой епархии, однако этим планам не суждено было осуществиться. Мать. Митрофания вскоре стала «героиней» скандального судебного процесса: её обвинили в подделке векселей, мошенничестве и приговорили к ссылке в Сибирь. Сама м. Митрофания писала, что причиной её погубления было то, что у дела, которому она служила, было слишком много врагов. Епархиальные общины, по мнению м. Митрофании, противостояли «распадению нигилизма». «Это поняли те, которым не нравилось нововведение, и возбудили дружное восстание против меня, учредительницы этих общин», – считала она [48]. Так или иначе, но хлопотная и с неохотой встречаемая идея церковных общин сестер милосердия была скомпрометирована.

Об отношении монашества к общинам сестер милосердия можно судить по впечатлениям игуменьи Страстного монастыря Евгенией (Озеровой). В 1875 г. по приглашению графини Марии Владимировны Орловой-Давыдовой она посетила общину Литейной части. М. В. Орлова-Давыдова унаследовала должность попечительницы общины, основанной её бабкой кн. М. Ф. Барятинской, от своей матери – гр. О. И. Орловой-Давыдовой. Горячо взявшись за дело, она мечтала преобразовать общину в монастырь. Приведем записи из дневника игуменьи:

« – Мое одно желание, – сказала М. В. – поставить общину на монастырский лад, дать ей руководство духовное или, лучше, обратить её в монастырь.

Я: – Это дело неудобноносимое. Суетные дела благотворительности: школы, ясли, т.е. хождение за крошечными детьми, больницы, прием больных, занятия в

аптеках, — отнимают всё время, умучивают до нельзя, так, что о молитве или внутреннем своем состоянии и подумать некогда, да и невозможно. Мы не бесплотные и нам нужно отдохновение сном и отдых мысли.

М.В. — Отчего же за границей общины имеют духовный характер?

Я: — По моему, враг хитро действует. Осмотритесь и увидите сами. Сперва были монастыри, потом смешали с делами милосердия. А теперь монастыри уничтожены, общины умаляют, а в Швейцарии и сестер милосердия не позволяют. То же проводят и в нашем Православном отечестве, уничтожая доброе под видом доброго. Всмотритесь, Великая княгиня Александра Петровна явила самые благие намерения и меня уверила, что это всё прекрасно. Смешала монастырь с общиной сестер милосердия. Что вышло? Безобразия, неустройство, беспорядок и срам монашеству...

М.В. — Стало быть, надо отложить попечение о духовном её устройении?

Я: — Не то я говорю, а только невозможность соединить с общиной монастырь. Подумайте, может ли быть мир, где в одном и том же заведении два разнородных учреждения? Оставьте общину неприкосновенной, продолжайте благотворение» [49].

Далее новые общины сестер милосердия возникали уже в светском ведомстве РОКК, в становлении которого Церковь приняла определенное участие. При учреждении Обществ, в мае 1867 г., к «россиянам, чадам православной церкви» с призывом принять в нем участие обратился, ссылаясь на евангельского милосердного самарянина, митрополит Московский Филарет [50]. Почетными членами Обществ стали семь епископов (в том числе митрополит Московский Иннокентий и митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Исидор) и десятки священников. Московский дамский комитет Общины сестер милосердия в рамках зарождавшегося Общества возглавила м. Паисия, игуменья Московского Вознесенского монастыря. В Комитет также вошли игуменья Алексеевского монастыря Иллария и игуменья Страстного монастыря Антония [51]. Четыре монахини Вознесенского монастыря ещё в 1863 г. в качестве сестер милосердия постоянно дежурили в лечебнице для чернорабочих [52]. Возглавляемый матерью Паисией комитет имел на своем попечении десять сестер в Вознесенском монастыре, шесть сестер — в Алексеевском и шесть в Страстном. В 1872 г. после смерти матери Паисии председательницей Московского дамского комитета Общины сестер милосердия стала игуменья Митрофания. Поначалу участие в подготовке сестер милосердия для РОКК из числа своих послушниц приняли несколько женских монастырей в Костроме (Богоявленский), в Казани (Богородичный), Астрахани, Виннице, Курске и Смоленске. Однако этот опыт не имел широкого распространения. В 1913 г. необычным событием стал первый выпуск сестер милосердия Красного Креста из одиннадцати монахинь на курсах, организованных игуменьяй Новодевичьего монастыря Антонией в Петрограде, и открытие при монастыре больницы и амбулатории [53].

К началу XX века РОКК насчитывало 81 общину, в которых состояло 1603 сестры [54]. Согласно основополагающим документам РОКК сестрой милосердия могло стать лицо любого христианского исповеданий. Сестры милосердия брали на себя «нравственную обязанность в избранной ими трудной задаче ухода за больными... выполняя свое дело с любовью и кротостью» [55]. Прослужившие в общине не менее пяти лет удостоивались особого знака отличия и диплома. Ни о каких церковных обещаниях (присягах, обетах) в документах не говорится. В качестве знака отличия сестры милосердия имели вышитые красные кресты на передниках, а при исполнении обязанностей — белую повязку с таким же крестом. Красный крест на белом фоне — «негатив» герба Швейцарии, эмблема Женевской конвенции и Международного комитета Красного Креста, принятая и РОКК. Цветовое обращение, как видно, было произведено, из чисто практических соображений: заметный издали

красный крест на белом фоне сигнализировал воюющим сторонам о местонахождении госпиталей, санитарных поездов и медицинского персонала, защищенных от нападения согласно Женевской конвенции [56].

Исходная задача, поставленная перед общинами сестер милосердия РОКК, – подготовка медицинского сестринского персонала, необходимого на случай войны, для чего при общинах учреждались собственные больницы, амбулаторные лечебницы, учебные курсы и училища.

Основанные на принципах гуманизма и патриотической идее, общины сестер милосердия сыграли главную роль в становлении новой женской профессии, но такие «монашеские особенности» жизни сестер, как строгое общежитие, безбрачие и бесплатная служба, уже в начале XX века оказались тормозом для её развития.

В 1908 г. сестра милосердия Т.Миркович в обстоятельной «Записке» [57], имевшей большой резонанс в обществе, писала о кризисе института сестер милосердия. Идеиные принципы первых общин сестер милосердия пришли в противоречие с задачами и целями Красного Креста. В «Записке» также отмечается и общий упадок общин Красного Креста в профессиональном и нравственном смысле. Требования бескорыстного и безвозмездного служения сестер диктовались корыстными интересами различных государственных ведомств. Общежитие, способствующее в православных общинах спасению души и исполнению заповеди любви к ближнему, превращалось в казарму закрытых заведений. Духовное подвижничество уступало место кратковременному военному и трудовому героизму. Из общин Красного Креста исчезали человеческие «чувства локтя», дружества, взаимной поддержки. Формально независимые от Красного Креста общины сестер милосердия вполне усваивали тот же дух.

Создавая Марфо-Мариинскую обитель милосердия (1909), святая великая княгиня Елизавета Феодоровна, видела в ней организацию иного типа, прежде всего – церковную, чем подвела итог драматичной истории общин сестер милосердия, все попытки «воцерковления» которых потерпели крах, и отыскивала новую форму женского церковного служения [58]. В сознании современников звание сестры милосердия уже прочно ассоциировалась с женской медицинской профессией. Поэтому она писала: «...Мы просили о <присвоении> имени « диаконисс» , что по-гречески означает « служительницы », то есть служительницы Церкви, чтобы сделать наше положение в стране более ясным : мы – организация Право-славной Церкви » [59]. Будучи попечительницей московской Иверской и петербургской Елизаветинской общин, она подчеркивала: «Мне бы также не хотелось обращать мою Обитель в обыкновенную общину сестер Милосердия, так как во-первых там только одно медицинское дело, а другие виды даже не затронуты и во-вторых в них нет церковной организации, и духовная жизнь на втором плане, тогда как должно быть совершенно наоборот» [60]. Св. Елисавета ратовала за восстановления древнего церковного чина диаконисс. Она была поставлена в настоятельницы диаконисс Марфо-Мариинской обители по особому церковному чину, утвержденному священномучеником Владимиром, митрополитом Московским и Синодом [61]. Упреки некоторых иерархов, звучащие и поныне, в том, что великая княгиня при этом руководствовалась протестантскими примерами, несправедливы. Она осознала свое начинание и как миссионерство среди простого непросвещенного народа, мечтая о том, что обители милосердия возникнут по всей России. Как известно, вопрос о введении чина диаконисс был утвердительно решен Отделом церковной дисциплины 26 марта 1918 г . на Поместном Соборе Православной Российской Церкви, однако соборного решения принять не успели [62].

Таким образом, российские общины сестер милосердия представляли собой учреждения общественной и частной благотворительности в стране, где православие

было государственной религией, и поэтому в них в той или иной степени присутствовала церковная «компонента». Почти все они, за исключением первых общин, возникали и развивались в рамках РОКК, одного из светских благотворительных институтов Российской империи.

Вопросы, обсуждаемые в данной работе, актуальны не только в связи с появившимся академическим интересом к истории общин сестер милосердия, но также и для решения задач церковной благотворительности, стоящих перед РПЦ МП. За последнее время возникли по меньшей мере четыре обители милосердия – в Москве, Владивостоке, Оренбургской и Самарской епархиях. Московская Марфо-Мариинская обитель, созданная когда-то св. Елизаветой Феодоровной, возродилась, но совершенно в ином виде. Её настоятельница мать Елизавета (Крючкова) и некоторые сестры приняли монашество, и вопрос о восстановлении чина диаконисс, о чем мечтала св. Елизавета, более не обсуждается. В России работают десятки сестричеств и групп милосердия, созданных по инициативе священников-энтузиастов и мирянок, не имеющих, за редким исключением, поддержки даже на епархиальном уровне. Те, кто называет себя православными сестрами милосердия, зачастую не имеют профессии медсестры и трудятся в различных социальных сферах, помогая престарелым, инвалидам, психически больным, сиротам, бездомным, бедным. Подготовка сестер милосердия ведется на специальных медицинских курсах в Архангельске, Вологде, Кемерово, Курске, Нижнем Новгороде, Смоленске, Санкт-Петербурге и других городах. Как элитный проект [63] более десяти лет существует Свято-Димитриевское православное училище сестер милосердия в Москве. О возрождении института сестер милосердия при храме Царевича Димитрия впервые официально заявлено на Архиерейском соборе РПЦ в 1994 г. Та же мысль повторялась в речах патриарха Алексий II и министра здравоохранения на десятилетнем юбилее училища. Но, учитывая «нецерковность» этого дореволюционного института, необходимо осмыслить, какое содержательное значение должно иметь сейчас звание сестры милосердия в Русской Православной Церкви. На него претендуют, и не без основания, медицинские сестры, призывающие к возрождению нравственных основ своей профессии, труженицы Российского Красного Креста, недавно получившие от патриарха Алексия II благословение на свою деятельность, и даже верующие медсестры, не состоящие в каких-либо организациях. Представление о том, что дореволюционные общины сестер милосердия являлись церковными или даже «полумонашескими» благотворительными организациями и что «сестра милосердия» является церковным званием – дань иллюзиям и той вере в «романтические сказки о церковных социальных учреждениях» [64], которые некогда разделяла и автор этих строк.

Использованные источники:

- 1 *Илинский П. А.* Русская женщина в войну 1877 – 78 гг. СПб., 1879.
- 2 *Постернак А. В.* Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001.
- 3 *Постернак А. В.* Указ. соч. С. 55.
- 4 Русская община сестер милосердия и отсутствие в них народности // Дух христианина. 1861 – 1862. Март . С . 295.
- 5 Rules of the Daughters of Charity, Servants of the Sick Poor. Ch. I. В кн .: Vincent de Paul and Louise de Marillac. Rules , Conferences , and Writings . N . Y . , 1995. P . 169 (рус. пер.). Этими Правилами конгрегация руководствовалась до 1954 г.

- 6 Канонизированы католиками как святые. Викентий де Поль – в 1737 г., Луиза де Марийяк – в 1934 г.
- 7 Эта конгрегация существует и поныне, являясь одной из самых многочисленных. (Католическая энциклопедия. 2002. М., Т. I. С. 982).
- 8 <http://www.newadvent.org/cathen/03607a.htm>
- 9 Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854 – 1860) // Вестник Европы. 1898. №6. С. 603. Professorat – окончательное вступление в конгрегацию, с принятием пожизненного обета.
- 10 Ришом А. Винцент де Поль или созидательная сила любви. Брюссель. 1968; Постернак А. В. Указ. соч. С. 17 – 28.
- 11 Власов П. А. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 401.
- 12 Доклад М. А. Гиероглифой . Институт диаконис в протестантской церкви // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород . 1996. С. 147.
- 13 Das Evangelische Hospital und Diakonissenhaus in St. Petersburg im Laufe seines funfzigjahrigen Bestehens . St.Pbg., 1909. S. 161, (рус. пер.).
- 14 Этот факт удивляет Бакунину, так как православные в России причащались в лучшем случае четыре раза в год, во время постов. (Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 589).
- 15 Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 603.
- 16 См., например: Романюк В. П., Лапотников В. А., Накатис Я. А. История сестринского дела в России. СПб., 1998. С. 34.
- 17 Уставы и правила Общин сестер милосердия Владычне-Покровской, Екатеринославской, Иоанно-Ильинской, Иосифовской, Крестовоздвиженской, Литейной части, Покровской, св. Георгия, Свято-Троицкой, Тифлисской, Утоления печали. СПб., 1879. С. 76 – 77.
- 18 Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия за 50-летие (1844 – 1894). СПб., 1894. С. 32.
- 19 С-ов [Скроботов]. Приходской священник Александр Васильевич Гумилевский. СПб., Ст. 186.
- 20 Зверинский В. В. Материалы для историко-топографических исследований о православных монастырях в Российской Империи. СПб., 1892. Т. II. С. XII – XIV.
- 21 Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. 1850 – 1856 гг. М., 1883. Ч. 3. С. 113 – 115.
- 22 Уставы и правила Общин сестер милосердия... С. 76 – 77.
- 23 Емченко Е. Б. Женские монастыри в России // Монашество и монастыри в России. XI – XX века. Исторические очерки. М., 2002. С. 265.
- 24 Исторический очерк Свято-Троицкой общины сестер милосердия за 50-летие (1844 – 1894). СПб. 1894. С. 6.
- 25 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. 1849. Т. XXIII, отд. 1. С. 612 – 619.
- 26 Rules of the Daughters... P. 169, (рус. пер.).
- 27 Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 603.

- 28 Das Evangelische Hospital ... S. 171 (рус . пер .).
- 29 Доклад *М. А. Гиероглифой*... С. 151.
- 30 Термин «межконфессиональный» (interkonfessionelle) относительно Свято-Троицкой и Крестовоздвиженской общин, а также Общины Литейной части (во имя Христа Спасителя) впервые применен в указанном лютеранском источнике: « Das evangelische Hospital ... S . 4 – 6.
- 31 Описание Санкт-петербургского заведения Общины сестер милосердия. СПб., 1850. С. 2
- 32 Исторический очерк... Приложение. С. 81 – 90.
- 33 Замечания митрополита Филарета на устав Свято-Троицкой общины сестер милосердия и проект новых правил для общины. // *Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам.* М., 1886. Т. IV . С. 270 – 273.
- 34 Флоренса Найтингель попечительница о больных на поле сражения. Перевод с нем. С. В...й // *Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах.* 1871. №8. С. 8 – 9.
- 35 *Постернак А. В.* Указ. соч. С. 205.
- 36 В скобках: первая дата – год основания общины, вторая – год утверждения её первого Устава. Приводятся самые поздние названия общин.
- 37 Архив Никольской общины сторел и дату основания её установить трудно. Некоторые авторы ошибочно принимают ссылку на Устав общины, утвержденный 5 октября 1848 г., в «Отчете Никольской общины сестер милосердия в память княгини С. С. Щербатовой и доктора Ф. П. Газа РОКК с 26 октября 1914 г. по 1 января 1916 г.» (М., 1916. С. 14) за дату её основания. Но указанная дата относится только к Свято-Троицкой общине.
- 38 До 1879 г. – Общество попечения о раненых и больных воинах.
- 39 *Пирогов Н. И.* Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 137 – 138.
- 40 Собрание мнений и отзывов Филарета Митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1886. Т. IV . С. 341 – 343. *Пунктуация оригинала.*
- 41 *С – ов [Скроботов].* Приходской священник Александр Васильевич Гумилевский. СПб., 1871. Стб. 186.
- 42 *Сребрянский Митрофан, протоиерей.* Пояснительное слово // *Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы.* М., 1995. С. 175.
- 43 Отчет о действиях Покровской общины сестер милосердия с 1 ноября 1860 г. по 1 ноября 1861 г. СПб., 1862; Отчет о действиях Покровской общины сестер милосердия с 1 ноября 1861 г. по 1 ноября 1862 г. СПб., 1863.
- 44 Дело игумении Митрофании с ея портретом. Подробный стенографический отчет составленный С.П.Забелиной. М., 1874. С. 326 – 327.
- 45 *Илинский П. А.* Указ. соч. С. 166.
- 46 *Постернак А. В.* Указ. соч. С. 100; *Постернак А. В.* История общин сестер милосердия // *Благотворительность в России. Исторические и*

- социально-экономические исследования. СПб., 2003. С. 313.
- 47 *Постернак А. В.* История общин... С. 313.
- 48 Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розен, в монашестве Митрофании. // Русская старина. 1902. Т. 110. С. 288.
- 49 Страницы неопубликованного дневника игумении Евгении (Озеровой). Подготовка публикации Е. В. Исаковой. В кн.: Женская Оптина. Материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря. М., 1997. С. 265 – 269.
- 50 Слово при учреждении в мае 1867 г. в Санкт-Петербурге Общества Красного Креста Митрополита Московского Филарета // Вестник народной помощи. 1877. № 1 С. 2.
- 51 Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1870. № 2. С. 7.
- 52 Сердобольные монахини в Москве // Православное обозрение. 1863. № 11. С. 178.
- 53 Монахини сестры милосердия // Вестник Красного Креста. 1913. № 2. С. 399 – 400.
- 54 Очерк возникновения и деятельности Российского Общества Красного Креста // Вестник Красного Креста. СПб., 1913. № 5. Приложение. С. 12.
- 55 Правила о сестрах Красного Креста, назначаемых для ухода за больными и ранеными воинами. // Вестник Общества попечения о больных и раненных воинах. 1875. №2 С. 2 – 5. Нормальный Устав общины сестры милосердия РОКК. СПб., 1903. § 35.
- 56 Хотя эмблеме Женевской конвенции не было придано религиозного значения, некоторые государства (Турция, Персия, Сиам) заменили крест полумесяцем. Япония добавила поперечные полосы» (Михайлов Д. Красный Крест и сестры милосердия в России и за границей. Пг.-Киев, 1914. С. 13.). Сегодня тем более, такой крест, например, на машинах «Скорой помощи», аптечных вывесках, не воспринимается как религиозный символ.
- 57 *Миркович Т.* Российское общество Красного Креста и общины Сестер милосердия. СПб., 1910.
- 58 Легенда о тайном монашеском постриге св. преподономученицы Елисаветы и найденном на её теле парамане ничем не подтверждается. Ей, в частности, противоречит тот факт, что отпевание в кладбищенской церкви Алапаевска всех мучеников, извлеченных из шахты, было совершено «мирянским» чином, а все их тела облечены в белые саваны. Облечение мощей святых. Елисаветы и Варвары в монашеские одежды произошло в женском монастыре Читы, где они тайно сохранялись шесть месяцев.
- 59 Письма великой княгини Елизаветы Феодоровны к Николаю II // Материалы к житию святой преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 56. *Подчеркивание и пунктуация оригинала.*
- 60 Великая княгиня Елизавета Феодоровна – Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому // Вдали от мирской суеты. Нижний Новгород, 1996. С. 63 – 64. *Пунктуация оригинала*
- 61 Марфо-Мариинская обитель милосердия // Материалы к житию препо-

добномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 215.

62 *Белякова Е.В. Белякова Н.А.* Обсуждение вопроса о диакониссах на Соборе 1917-1918 гг. // Церковно-исторический вестник. № 8. М., 2001. С. 149 – 155.

63 *Митрохин Николай.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2004. С. 285.

64 *Митрохин Николай.* Указ. соч. С. 277.

www.omophor.ru

Эволюция сестринского костюма за почти 200 лет его существования

Мария Кунките

© Покровская община. 2006. www.omophor.ru

Пока парижские куртизанки не жили в горячих ваннах с новейшими средствами для мытья, утверждая в европейских умах мысль о необходимости более широкого понимания регулярной личной гигиены, дамы значительно более благочестивого нрава и поведения успели создать и сделать вполне привычным для общества особый костюм для ухода за больными, иными словами, действительно медицинскую одежду.

В России роль законодателя «медицинской моды» сыграла особа царского звания – вдова Павла I, императрица Мария Федоровна, которой принадлежит честь учреждения Вдовьих домов (1803 г.), а затем и института сердобольных вдов, признаваемого предтечей сестринского дела в нашей стране.

Первого января 1814 г. двадцать четыре избранные вдовы Петербургского Вдовьего дома официально приступили к работе в назначенной императрицей и Попечительским советом больнице с целью облегчить душевные и телесные страдания больных (впрочем, еще раньше был предпринят некоторый опыт ухода за пациентами больницы для бедных). Чуть больше чем через год, 12 марта 1815 г., испытываемые вдовы были посвящены в звание сердобольных. Императрица собственноручно возложила на каждую вновь установленный знак отличия – на шейной зеленой ленте серебряный крест, с одной стороны которого было изображение Пресвятой Богородицы Всех Скорбящих Радости, а с другой – надпись «Сердоболие». Знак носился пожизненно, вне зависимости от прекращения службы.

Очевидно, что сохранившиеся фотографии сердобольных вдов относятся к значительно более позднему периоду времени и вряд ли отражают первоначальный фасон платья: в 1810-х гг. не увлекались корсетами, не носили широких юбок – бывшая в моде в начале XIX в. ампирная юбка с высокой талией приобрела вид неширокого колокола. Светские дамы, одеяния которых стали в XIX в. своего рода рекламой положения (и что, пожалуй, важнее – дохода) их мужей и отцов, предпочитали белые или цветные платья. Темно-коричневое же платье, о котором сообщают историки Вдовьих домов, представлялось тогда оптимальным как с точки зрения вдовьего статуса и требований морального порядка к сердобольным, так и для работы по уходу за пациентами.

Темным (точных указаний на цвет нам обнаружить не удалось) было и платье первых в России сестер милосердия, составивших в 1844 г. Санкт-Петербургское заведение Общины сестер милосердия (впоследствии получило наименование Свято-Троицкой общины). Платье прикрывалось белым передником, волосы – белым платком, «свернутым наподобие шляпки». Рисунки к очерку истории общины отражают костюм именно 1840-х гг. Так как бытописатели общины никак не отмечают наличие складок, их число (как это делается, например, в отношении 400

исторических складок греческой мужской юбки) и прочие тонкости, то позволим себе предположить, будучи знакомыми с историей европейского и русского костюма, что наряд первых российских сестер милосердия вполне отвечал модным тенденциям того времени.

Дамский силуэт этой эпохи, известной стилем «бидермайер», имел некоторую вытянутость за счет сужения плеча и удлинения юбки, прежде радикально приподнятая талия теперь, наоборот, чуть занижалась. Лиф кроился закрытым и украшался небольшим отложным воротничком. Узкие от плеча рукава особенно выигрывали на фоне пышной юбки с мягкими складками, под которую поддевали до 8 крахмальных нижних юбок. Влияние произведений «певца» начавшейся в Англии викторианской эпохи Ч.Диккенса спровоцировало в европейской моде «увлечение добродетелью»: дамы выходили на публику в шелковом переднике с кружевной оборкой и связкой ключей у пояса (своего рода «ностальжи» по средневековью). Верхняя же одежда в основном представляла собой разнообразные накидки. Голова дамы покрывалась шляпкой или чепчиком, который носили не только дома, но и на улице.

На войне, как на войне

Не просто на улице, а на театре военных действий в Крыму продемонстрировали свои белые чепчики сестры Крестовоздвиженской общины (Петербург), специально созданной осенью 1854 г. великой княгиней Еленой Павловной для попечения о раненых и получившей руководство в лице выдающегося хирурга Н.И. Пирогова. Впервые дамы (кстати, из самых что ни есть благородных) появились даже не в окраинных кварталах столицы и не в больнице для бедных, а среди грязи и смрада войны, среди гибнущих тысячами солдат и офицеров. Гибнущих нередко от слабости тогдашней медицинской науки и, что самое страшное, от неумения организовать в принципе врачебную помощь и необходимый уход за ранеными, контуженными и больными. В этой мясорубке крестовоздвиженские сестры [2], не гнушавшиеся самой тяжелой и опасной работы, оказались бесценными помощницами. Во многих лазаретах и перевязочных пунктах можно было видеть сестер разного возраста в коричневых платьях с белыми передниками, отмеченных золотым крестом на голубой шейной ленте. Участнику крымских действий графу Л.Н. Толстому, например, встретилась в перевязочном пункте «весьма хорошенькая девушка, лет двадцати, с бледным и нежным белокурым личиком, как-то особенно мило-беспомощно смотревшим из-под белого чепчика, обкладывавшего ей лицо», держащая «руки в карманах передника» («Севастополь в августе 1855 г.»).

Со временем чепчики вышли из моды вообще и из сестринской «моды» в частности, хотя (присмотритесь повнимательнее) еще через несколько десятилетий они вернулись — уже в виде знакомой нам медицинской шапочки.

Из уважения к Швейцарии

Дальнейшее становление и развитие сестринского дела в России связано преимущественно с деятельностью Общества попечения о раненых и больных, созданного в 1867 г. и через двенадцать лет получившего привычное нам название «Российское Общество Красного Креста» (далее — РОКК).

В соответствии с Нормальным уставом общин сестер милосердия РОКК (§54) сестры должны были носить только *установленную* одежду, состоящую из шерстяного или холстинкового платья коричневого или серого цвета (их коллеги в Германии парадным имели синий цвет), белого передника и белой головной косынки

[3]. На переднике сестры имели отличительный знак своего звания – нашитый на нагруднике знак Красного Креста (КК) [4]. При исполнении своих обязанностей сестры носили на левой руке повязку со знаком КК, имевшую личный номер, что должно было подтверждаться особым удостоверением (в случае войны повязка носилась непрерывно). Любые лица, незаконно присвоившие себе право ношения повязки, могли нести ответственность вплоть до уголовной – ареста от 3 недель до 3 месяцев (доп. к ст. 1417 Уголов.Улож.) [5]. Правилами ношения формы сестер милосердия и лицами женского санитарного персонала РОКК (1915 г.) запрещалось «носить неполную форму или исказить ее любыми аксессуарами, не соответствующими строгому облику сестры милосердия». Женский санитарный персонал, не имевший звания сестры милосердия, носил такую же форму, но без нагрудного КК («Правила ношения ...», утвержденные ГУ РОКК 24 марта 1915 г. и дополненные 26 октября 1915 г.).

Из сообщения главноуполномоченного КК Юго-Западного района сенатора Иваницкого (Вестник РОКК. 1915. № 7) можно составить представление о комплекте одежды сестер милосердия времен I Мировой войны – 1 шерстяное и 3 ситцевых платья, на которые соответственно требовалось по 10 и 12 аршин ткани. Таким образом, только чтобы обновить на тот момент пришедшую в негодность одежду сестринского персонала фронта требовалось не менее 10.000 аршин шерсти и 36.000 аршин ситца.

Форма РОКК придавала авторитета ее носителям и давала свободу передвижения даже в районе боевых действий. Неудивительно, что ее использовали шпионы (и шпионки) и «нечистоплотные личности». В прессе времен I Мировой войны то и дело встречаются сообщения о злоупотреблении сестринской униформой: в нее «обряжались» даже известные магазинные воровки. Были примеры и протестов местных комитетов РОКК против использования униформы артистками кафешантанов.

Порой на старых фотографиях (обычно времен I Мировой войны) можно видеть сестер милосердия в платьях очевидно черного цвета: скорее всего, это монастырские сестры, привлеченные на службу в лечебные заведения РОКК по указу 1911 г. (на театр военных действий монахини и послушницы не направлялись). Такие сестры милосердия продолжали носить монашескую одежду, но в соответствии с императорским указом из Святейшего Синода «О привлечении монахинь и послушниц к деятельности Красного Креста» от 7 марта 1911 г. получали от РОКК нагрудный передник с КК, а вместо традиционного головного убора – белый апостольник или белую косынку. На холодное время монастырские сестры милосердия должны были снабжаться РОКК теплой одеждой и таковой же обувью. Кстати, многие сестры милосердия повязывали косынку особым образом – чтобы оставались открытыми уши. Возможно, это связано с тогдашней модой на пышные прически, а, может быть, так было удобнее слушать врачей и пациентов. По крайней мере, в описании сестринского наряда об этом ничего не говорится.

С утверждением к концу XIX в. в медицинской практике белого халата сестры милосердия так же, как и врачи, стали использовать его во время службы в лечебных заведениях, нередко поверх надевая еще и передник. На шитье таких халатов, длинных и совершенно глухих спереди (воротник стойка, завязки сзади), уходило немало аршин отбеленного полотна или бумажной ткани, в противном случае не удавалось бы полностью скрывать платье. В сущности, если сделать поправку на длину, можно сказать, что фасон медицинского халата для российской сестры милосердия – медицинской сестры, равно как и для врачей, не занимающих руководящие посты, не менялся в течение многих десятилетий. Если сравнить советский халат

(речь идет об официально утвержденном варианте) конца 1960-х гг. с американским сестринским костюмом времен высадки астронавтов на Луну, то становятся понятными разговоры о загнивающем Западе. Облегающее белое мини-платье и кокетливую шапочку-наколку вряд ли можно признать «соответствующими строгому облику сестры милосердия».

Кстати, медицинская униформа советского периода представляла собой не только санитарно-гигиеническую одежду, «изолирующую собственные носильные вещи персонала и улучшающую организацию труда». Форменная одежда давала возможность отличить одну группу персонала от другой и «содействовала установлению порядка при исполнении служебных обязанностей» [6]. Так, старшая медсестра, как представитель администрации ЛПУ, носила двубортный халат с застежкой спереди на 3 пуговицы и 3 петли на оба борта, с отложным английским воротником. Спинка «украшалась» швом по середине и хлястиком, втачанным в боковые швы. На линии бедер имелись 2 накладных кармана, еще один карман нашивался на левой стороне груди. Рукава заканчивались манжетами с застежкой на 1 пуговицу. Просто же медсестра должна была «довольствоваться» глухим халатом с 3 парами завязок на спине и воротником-стойкой, также завязывающимся сзади. Манжет не было, а разрезы рукавов также стягивались завязками. «Обделили» рядовых сестер и в количестве карманов, т.к. по линии бедер нашивался только 1 карман с правой стороны переда. Сестры получали от учреждения на 3 года 6 халатов, 3 шапочки (или косынки) и на 1 год мягкие туфли для ношения на дежурстве. У операционных сестер набор был солиднее: в него входили и белые нитяные чулки, и клеенчатый фартук, резиновые перчатки. В инфекционных отделениях и отделениях для новорожденных выдавали также защитные очки.

Первые упоминания об использовании *спецодежды* медработниками (без уточнения их звания) в законодательных и подзаконных актах, которые нам удалось обнаружить на сегодняшний день, относятся к 1923-24 гг. Это циркуляры НКЗ и ВМСТ за № 186 от 10 августа 1923 г. и за № 192 от 22 сентября 1924 г. . Причем, проблема обеспечения медперсонала спецодеждой отнесена к вопросам внутреннего распорядка лечучреждений [7]

Непрерменно с отвернутыми бортиками

Белый апостольник вышел из советского медицинского обихода довольно скоро, так же как и само понятие «сестры милосердия» [8]. Белая косынка прожила более продолжительную жизнь, конкурируя с белой медицинской шапочкой. Для изготовления сестринских головных уборов применялись обычно мадаполам, бязь или отбельный шифон. Например, приказы и инструкции Минздрава СССР начала 1950-х гг. так определяли головные уборы среднего медперсонала: старшая сестра закрывала голову спускающейся до плеч косынкой овальной формы, с передней прямой стороной (ТУ 15-51). Медсестры обязаны были носить шапочки с отвернутыми бортиками, присобранные сзади на резинке (ТУ 25-51).

Обязанность носить шапочку ставится в последние годы многими нашими медсестрами под сомнение, тем более что их зарубежные коллеги во многих странах добились отмены обязательного постоянного ношения медицинского головного убора. В США даже была забастовка по этому поводу, приведшая к изменениям в сестринском костюме. В 1969 г. отменили единую униформу – голубое платье с белым передником и обязательное ношение шапочки в Швеции. Однако это не означает отказ от санитарной одежды вообще. В Швеции любое нарушение кожных покровов и слизистых считается операцией, которая требует стерильности, так что сте-

рильные халат, перчатки, маску, шапочку и т.п. должны использовать не только хирургические сестры и сестры-анестезистки, но и процедурные сестры.

Этот же принцип взят за основу и в соседней Эстонии: необходимо предохранять от инфекции и пациента, и себя, и своих родных (к которым инфекция может прийти, например, на волосах мамы / жены). Поэтому любая медсестра должна иметь в кармане одноразовую шапочку, которая надевается сразу же при необходимости, например, сделать укол. Таким образом, и прическа (скромная и аккуратная!) сохраняется, и техника безопасности соблюдается.

Используемые источники

- [1] Сокращенный вариант статьи был опубликован в газете «Dental Life» (2005. № 3) под названием «Главное — чтобы костюмчик сидел, или Вполне научные рассуждения о медицинском костюме. Часть 2-я».
- [2] В Крыму действовали отряды, составленные из сердобольных вдов обоих Вдовьих домов, сестер милосердия Крестовоздвиженской общины и, по некоторым данным, Московской Никольской общины, привлекались также местные жительницы, жены матросов и офицеров.
- [3] Для сестер некоторых общин, имевших особую форму, были сделаны исключения. Так, например, в начале 1915 г. «Вестник РОКК» (№ 2. С. 714) сообщал о разрешении ГУ РОКК носить сестрам Никольской общины форменную одежду синего цвета и головной убор в виде апостольника, при условии, что повседневная одежда будет по-прежнему установленного уставом серого цвета.
- [4] Из уважения к Швейцарии геральдический знак Красного Креста на белом поле, образуемый путем обратного расположения федеральных цветов, сохраняется как эмблема и отличительный знак санитарной службы армии. Эта эмблема с разрешения подлежащего военного начальства, должна быть изображена на флагах, на нарукавных повязках и на всех предметах, относящихся к санитарной службе. *Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях (Женевская конвенция) 1864 г. Ст. ст. 18, 19.*
- [5] В дни I Мировой войны эти меры были ужесточены. Приказом главнокомандующего армиями Западного фронта все дела о произвольном ношении эмблемы КК следовало передавать в военный суд. Виновных ожидало лишение всех особых, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдача в исправительные арестные отделения на срок от 1 до 4 лет (Вестник РОКК. 1916. № 1. С. 190).
- [6] См. например: Горюшин В.А., Немчинова Н.П. Белье и одежда для лечебно-профилактических учреждений. М., 1954. С. 72.
- [7] См. в частности: Фрейберг Н.Г. Сборник законов и распоряжений правительства РСФСР по врачебно-санитарному делу с 1 сентября 1919 по 1 января 1925 г. М., 1925.
- [8] Циркуляром НКЗ РСФСР № 1026 от «22» мая 1920 г. слово «милосердие» упразднялось из названий школ сестер милосердия, а сами медработники впредь должны были именоваться «сестры» (ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 226. Л. 1).

РАЗДЕЛ III. Женщина в Церкви

Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии I Форума православных женщин

3 декабря 2009 г

Дорогие сестры, участницы форума, уважаемые гости!

Сердечно приветствую всех вас, собравшихся на этот первый форум православных женщин.

Мы намерены обсудить роль православных женщин в жизни Церкви и в современном мире и, по возможности, сформулировать ответы или, по крайней мере, обозначить ответы на те вопросы, которые мир перед нами сегодня ставит. Конечно, мы должны постараться обосновать свои ответы на том фундаменте, на котором Церковь строит свое учительное послание миру. Это, в первую очередь, Слово Божие, святоотеческое Предание — то, что является непоколебимым и неизменным основанием всякого церковного делания.

Евангелие говорит о том, что первыми о Воскресении Спасителя узнали женщины. Этот рассказ — удивительное свидетельство подлинности евангельского повествования, ведь для тогдашней эпохи это была крайне неудобная деталь. Статус женщины был тогда чрезвычайно низким, она рассматривалась как существо интеллектуально и даже морально низшее по отношению к мужчине, и к ее свидетельству не было принято относиться всерьез. И, тем не менее, евангелисты говорят правду: именно женщины, к которым относились в том мире свысока, и стали первыми свидетельницами Воскресения Спасителя, и их свидетельство было положено в основу евангельского повествования о Воскресении Господа и Спасителя нашего. Сегодня мы живем в культуре, сформированной христианской Благой вестью — вне зависимости от того, сознают это люди или не сознают. И мы привыкли к тому, что женщины играют огромную роль в замыслах Божиих. Но для жителей древнего мира, для той эпохи, когда Господь пребывал в истории, эта весть, это свидетельство о роли женщин было проповедано Евангелием впервые. Даже апостолы, когда жены-мироносицы возвестили им о том, что Христос воскрес, не сразу поверили.

Но, тем не менее, Господь именно женщин избрал, чтобы они первыми услышали и передали другим самую важную весть в человеческой истории. И это неслучайно — и не только потому, что в Священном Писании нет ничего случайного. Во многих евангельских повествованиях мы видим, как Господь с удивительной теплотой относится к женщинам, особенно к тем, кто подвергался обидам и притеснениям. Вспомним историю с кровоточивой женщиной. Она страдала хронической болезнью, которая не только причиняла физические страдания, но и делала человека, по обычаям того времени, ритуально нечистым. То, что она дерзнула прикоснуться к краю одежд Господа, в то время выглядело совершенно неприемлемым, недопу-

стимым поступком. Но Господь не укоряет ее. Он не только подает ей исцеление, но говорит удивительные слова: «Держай дочь! вера твоя спасла тебя» (Мф. 8:22).

Христианское вероучение отличается от иных религиозных воззрений своим особым, возвышенным отношением к женщине. Церковь неизменно высоко оценивала женское служение, и Первой в ряду женщин-христианок является Сама Пресвятая Богородица, жизнь Которой была целиком посвящена Богу. Из Нового Завета известны имена женщин, сопутствовавших Христу и Его ученикам, служивших делу евангельской проповеди своим имуществом, своими талантами, своими трудами и даже своей жизнью, потому что именно женщины, наравне с мужчинами, украсили Церковь сонмом мучеников.

Вся дальнейшая история Церкви Христовой свидетельствует о том, что на женщин возложена особая миссия — по мере своего призвания быть благовестницами Царствия Божиего. И если говорить о нашем Отечестве, то в числе первых русских святых мы также встречаем женщину — святую равноапостольную княгиню Ольгу, воспитавшую великого крестителя Руси, а также преподобную Евфросинию Полоцкую, стоявшую у истоков женского монашества в нашей Церкви.

В тяжелые годы богоборчества именно женщины составляли основу приходов Русской Православной Церкви. Стойко и самоотверженно они совершали исповеднический подвиг, свидетельствуя окружающему миру о незыблемости своей веры. Имена многих из этих подвижниц, большинство из которых давно отошли в мир иной, ведает лишь Господь, однако для всех последующих поколений они явили добрый пример жертвенного следования за Христом. Именно они чисто физически спасли Церковь — наши матери и бабушки, которые втайне от своих мужей, братьев, отцов крестили своих детей и внуков, которые передавали им тепло христианского благовестия, воспитывая их в христианском духе и тем самым сохраняя преемство православной веры.

Смутный и страшный XX век подарил нам удивительные образцы женской святости, прежде всего преподобномученицу великую княгиню Елизавету Феодоровну, святых Царственных страстотерпиц. Все они являли пример милосердного служения ближним, пример смирения, кротости и стойкого исповедничества.

За два минувших десятилетия произошли большие перемены. На смену «белым платочкам» 1950-х и 1970-х годов, большинство из которых составляли простые работницы и крестьянки, пришло новое поколение женщин — образованных, обладающих активной жизненной позицией. Принципиально иными оказались и задачи, вставшие перед ними. Многие храмы, возвращенные Церкви после десятилетий запустения, было необходимо восстановить, воздвигнуть новые, и этот огромный созидательный труд был бы невозможен без активного участия наших прихожанок.

Одновременно женщины несут на своих плечах и другой, не менее важный труд — созидание общин, выстраивание подлинных христианских отношений между людьми, посещающими храм. Мы видим наших благочестивых женщин и в больницах, где они заботятся о страждущих. Мы видим, как они оказывают помощь жертвам бедности, боли или стихийных бедствий. Мы видим, как в их служении осуществляется заповедь Спасителя: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

Неоценима роль женщины в возрождении духовного образования и воспитания, в развитии социального служения, издательской деятельности, создании сети православных СМИ. В этих сферах максимально востребованы те знания и опыт, которые принесло в Церковь новое поколение, стремящееся не только к сохранению

существующих направлений церковной деятельности, но и к созиданию ее новых форм. Не случайно у истоков многих церковно-общественных инициатив, получивших воплощение в жизнь в эти годы, стояли именно женщины.

Сегодня женщины по-прежнему составляют большинство паствы Русской Православной Церкви, и этому есть простое объяснение: именно женщина, с ее отзывчивым сердцем и чуткой душой, в большей мере оказывается способной откликнуться на евангельский призыв.

Огромно влияние женщин в нашей системе образования. Подавляющее большинство и школьных учителей, и вузовских преподавателей — это женщины. Сегодня работники образовательной сферы — это целое сословие, которое нуждается в особом попечении, так как именно от него, от его нравственного состояния зависит будущее наших детей, а значит — будущее всей страны. Деликатная сфера взаимосвязей семьи и школы, принципы, на которых строятся отношения между учениками и учителями, должны иметь ясную и твердую этическую основу, базирующуюся на любви и уважении к достоинству человека, сколько бы ни было этому человеку лет.

Начиная с «Луки, врача возлюбленного» (Кол. 4, 14), как о нем говорит святой апостол Павел, Православная Церковь особенно благословляет медицинское служение. История Церкви знает немало святых врачей. В наше время большинство медицинских работников — женщины. Им часто приходится трудиться в условиях материального недостатка, тяжелых физических и психологических нагрузок. То свидетельство веры, любви и милосердия, которое несут православные врачи, медсестры, социальные работницы, особенно драгоценно.

Нередко приходится слышать, что роль благочестивой женщины должна сводиться только к домашним делам, что она должна быть неслышной и незаметной. Такое гиперпатриархальное отношение может казаться традиционным, однако историческая истина говорит совсем о другом. Образы святых жен Руси — это образы женщин мудрых и сильных, женщин, ставших воплощением христианских идеалов правды и милосердия.

Глубоко убежден, что сегодня православная христианка должна занимать активную общественную позицию, выступая хранительницей христианских нравственных ценностей в семье и в обществе. Помимо призвания жены и матери, женщины-христианки должны осознавать себя полноправными членами гражданского общества, ответственными за судьбу страны. Необходимо их активное участие во всех сферах общественной жизни, позволяющее сделать так, чтобы голос верующих был услышан. И одновременно роль жены, матери, хранительницы очага никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть деформирована, потому что это — реальный физический и духовный фундамент человеческого общежития. Ничто не может предаваться в жертву ценностям семьи и материнства — тем ценностям, от которых действительно зависит реальное существование человеческой цивилизации.

Ошибки часто предлагаются нам парами — чтобы мы, избегая одной, как бы впали в другую. И гиперпатриархальность, о которой я упомянул, часто становится реакцией на атмосферу современного мира, который навязывает женщине совершенно чуждое ей отношение к жизни, когда «равенство» с мужчинами понимается как подражание худшим мужским качествам — агрессии, воле к соперничеству, стремлению к карьере и профессиональным достижениям за счет пренебрежения к семье и детям.

Каждый человек может быть счастлив, только живя сообразно своей природе — и счастье женщины прежде всего в том, чтобы быть супругой и матерью. Я хотел бы подчеркнуть, что в любом нравственно здоровом обществе материнство окружено

глубочайшим почтением, и если наше общество не научится глубоко чтить и поддерживать женщину-мать, у него не станет будущего.

Женщина, какой ее замыслил Создатель, далека и от униженного положения в семье и обществе, и от неразумного мужеподобия. Как говорит Священное Писание, «уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее» (Притч. 31:26).

Многочисленные письма, которые я получаю, свидетельствуют о том, что у православных женщин-христианок есть ревностное стремление послужить Господу и Его Святой Церкви; послужить народу нашему в этот трудный переломный период его истории. Есть и желание усилить взаимодействие православных женщин друг с другом. Я буду рад услышать от участниц форума идеи, направленные на объединение и координацию усилий в различных областях церковной и церковно-общественной работы.

Церковь, Отечество, не побоюсь сказать — весь мир ожидает активных действий верующих женщин, действий, от которых зависит, найдет ли общество те духовные и нравственные основы, на которых только и возможна мирная и процветающая жизнь, или скатится на путь греха и саморазрушения.

Пусть же для всех вас будут внятны слова Господа: «Дерзай, дочь!»

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси

Женщина в Церкви

Председатель отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев)

На протяжении всей истории Церкви священническое и епископское служение в ней могли исполнять только мужчины. Это не просто традиция, являющаяся следствием неравенства между мужчинами и женщинами в древние времена. Священство изначально является служением духовного отцовства. Женщина может быть матерью, женой, дочерью, но она не может быть отцом. Материнство не ниже отцовства, но это другая миссия, другое служение. Чем отличается отцовство от материнства, знает только ребенок, хотя и не может выразить это словами. Отличие духовного отцовства от любого другого служения знает всякий христианин, имеющий духовного отца. Православная Церковь отрицательно относится к введенному недавно в протестантских общинах институту женского священства, но не потому только, что Православие традиционно и консервативно, тем более не потому, чтобы оно унижало женщину и считало ее ниже мужчины, а потому, что оно очень серьезно относится к отцовству в Церкви и не хочет его лишиться, поручив женщине не свойственное ей служение. В организме Церкви каждый член выполняет свои функции и является незаменимым. Отцовство не может быть подменено ничем, и, лишаясь его, Церковь утрачивает свою целостность и полноту, становясь семьей без отца или организмом без необходимых членов.

В этом смысле показательны отношение христианства к браку и его взгляд на роль женщины в семье. Христианская семья — это «малая церковь», созидаемая по образу Церкви Христовой. По учению апостолов, главой семьи является муж, а не жена. Но главенство мужа не означает неравенства. Власть мужа — это власть любви так же, как власть Христа в Церкви: «Как Церковь повинуется Христу, так и жены (повинуйтесь) своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Каждый из вас да любит свою жену как самого себя, а жена да боится своего мужа», — говорит апостол Павел (Еф. 5:22-33). «Да боится» не означает страха перед силой, но боязнь оскорбить мужа, разрушить любовь и единомыслие в семье. А главенство мужа — это готовность любить до самопожертвования, как Христос любит Церковь. Будучи главой семьи, муж должен оказывать любовь и уважение жене: «Мужья, обращайтесь благоразумно с женами... оказывая им честь как сонаследницам благодатной жизни» (1 Пет. 3:7). Не неравенство, а гармоничное единение при различии функций — вот что должно быть и в семье, и в Церкви. Ибо если семья — малая церковь, то и Церковь — большая семья.

Отцовство священника не ограничивается его функцией возглавителя и руководителя общины. Как раз возглавление в некоторых случаях поручается женщине. Например, женским монастырем всегда руководит игумения, которой подчиняются не только монахини, но и священники, служащие в этом монастыре. В древних

монастырях существовали старицы – духовные руководительницы, обладавшие правом принимать исповедь у монахинь. Даже таинство Крещения в особых случаях может совершить женщина (например если поблизости нет священника, а человек при смерти), и это таинство признается действительным и законным.

Однако история Церкви не знает случая, чтобы женщина служила Литургию или рукополагала священников, как это бывает теперь в протестантских общинах. Священник, совершающий Евхаристию, символизирует Христа – Бога, ставшего человеком-мужчиной. А Церковь придает важное значение литургической символике: согласно православному пониманию, между символом и реальностью существует прямая взаимозависимость, так что при изменении символа происходит подмена реальности, которая стоит за ним.

Но в древней Церкви существовали диакониссы, имевшие достаточно широкие обязанности: они, например, помогали епископам при совершении таинства Крещения, участвовали в совершении Евхаристии. Вопрос о восстановлении института диаконисс серьезно обсуждался в Русской Православной Церкви в период подготовки к Поместному Собору 1917-18 гг., но последующие события помешали осуществлению некоторых намечавшихся церковных реформ. Фактически многие важные и незаменимые служения, в том числе и литургические, родственные служению диаконисс в древней Церкви, сейчас выполняют женщины: они приготавливают хлеб для Евхаристии, читают и поют в храме, нередко руководят хором.

Богородица и святые

Об отношении Церкви к женщине можно судить по тому, как высоко ставит Церковь Божью Матерь, прославляя Ее больше, чем всех святых и даже больше самих ангелов как «честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим». Пресвятая Богородица является Матерью Христа и Матерью Церкви – в Ее лице Церковь прославляет материнство, являющееся неотъемлемым достоянием и преимуществом женщины. Примечательно, что протестантские церкви, поручившие женщинам совершение Евхаристии и прочие священнические функции, не почитают Богородицу и не молятся Ей. Но Церковь, лишенная Божьей Матери, утрачивает полноту, так же как не является полноценной Церковью община, лишенная священства. Если отцовство реализуется в лице иерархии – епископата и священства, то материнство присутствует в Церкви в лице Пресвятой Богородицы.

Православная Церковь прославляет Богородицу как Приснодеву. Этот термин, утвержденный V Вселенским Собором 553 года, подчеркивает девство Богородицы до Рождества Христова, в самом Рождестве и после Рождества. Богородица также именуется Пресвятой, Пречистой и Непорочной.[1] Православная Церковь, основываясь на древнем предании, верует, что Божья Матерь после Своей смерти в третий день воскресла и была вознесена с телом на небо, как Христос и некоторые ветхозаветные праведники (Энох и Илия).

Божья Матерь стоит во главе сонма святых, прославляемых Церковью. Почитание святых и молитва к ним является древнейшей традицией Церкви, сохраняющейся с апостольских времен. Несправедливы обвинения в адрес Церкви, будто она поклоняется людям наравне с Богом, нарушая заповедь «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4:10). Греческое богословие четко различает служение (*latreia*) Богу и почитание (*proskynesis*) святых, которым воздается честь не как богам, но как людям, достигшим духовной высоты и соединившимся с Богом. Святые тесно связаны между собой и со Христом. Поклоняясь святым, мы

почитаем Христа, Который живет в них: «Христос есть начало, середина и конец. Он есть во всех — и в первых, и в средних, и в последних... — говорит преподобный Симеон Новый Богослов. — Те, кто из рода в род через исполнение заповедей становятся святыми, приходя на смену прежним святым, соединяются с ними, озаряясь, подобно им и принимая благодать Божию по причастию, и все они становятся как бы некой золотой цепью, будучи каждый отдельным звеном, соединяющимся с предыдущим через веру, дела и любовь».[2] Золотая цепь христианской святости тянется от апостольского века до наших дней: и сейчас есть немало святых — тайных и явных — которые когда-нибудь будут прославлены Церковью.

Официальное причисление к лику святых, или канонизация — явление довольно позднее: раннехристианская Церковь не знала особых актов канонизации или прославления. Мученик, пострадавший за Христа, сразу после своей смерти становился объектом благоговейного почитания верующих: ему молились, на его гробнице совершали Литургию. В Русской Православной Церкви до сих пор сохраняется правило совершения Литургии на антиминсе, в котором обязательно должна быть частица мошей святого или мученика (антиминс — специальный плат, лежащий на престоле). Это подчеркивает связь Церкви земной, сегодняшней, состоящей из живых, и Церкви небесной, торжествующей, состоящей из прославленных Богом святых. Это также указывает на мучеников как на основу и фундамент Церкви. «Кровь мучеников есть семя христианства», — говорил Тертуллиан.[3] Не всегда Церковь земная имела возможность торжественно канонизировать святых и мучеников — их почитание нередко бывало тайным. Греческая Церковь, находившаяся долгие годы под властью Оттоманской империи, не могла открыто провозгласить святыми своих новомучеников, пострадавших от турок, тем не менее почитание их, хотя бы и тайное, было всеобщим среди православных. Точно так же Русская Церковь, находившаяся под властью большевиков, не могла открыто прославить тысячи новомучеников, погибших после 1917 года от рук большевиков в беспрецедентное по своим масштабам и самое кровопролитное гонение на Церковь, которое когда-либо знала история. Однако народ и отдельные священники тайно совершали им службы, не дожидаясь формальной канонизации, которая была невозможна в тех условиях.

Почитание того или иного святого не является следствием акта канонизации. Скорее, наоборот, канонизация происходит вследствие всенародного почитания святого. Есть святые, о жизни которых не известно почти ничего, а почитание их является всеобщим, как, например, святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских, живший в IV веке. Его прославляют христиане как Восточной, так и Западной Церкви; даже нехристиане, обращаясь в молитве к святителю Николаю, получают от него помощь. Это всемирное почитание святителя Николая основано на опыте Церкви: святитель Николай стал «личным другом» тысяч христиан, которым он когда-либо помог, которых спас от гибели...

Не только люди прославляют святых, но и Сам Бог дает иногда видимые подтверждения святости того или иного человека. Например, тела многих святых на протяжении столетий вообще не подвергаются тлению. Мощи (тело) святителя Николая, находящиеся в итальянском городе Бари, источают целебное и благоуханное миро. Мощи святых мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, которые находятся в Вильнюсском Свято-Духовом монастыре, за 650 лет с момента гибели мучеников (они пострадали в 1346 году) не подверглись ни малейшему тлению, хотя много лет пролежали под землей (возможность мумификации исключена даже теоретически, так как тела троих юношей были зарыты в землю их палачами). От мощей святых происходят исцеления, засвидетельствованные многими людьми.

Нецерковному человеку бывает трудно понять, зачем нужно молиться святым, когда есть Христос. Однако святые – не посредники между нами и Христом; скорее, они наши небесные друзья, способные услышать нас и помочь своей молитвой. Тот, кто не имеет друзей на небесах, не может правильно воспринять это благоговейное почитание, которым окружены святые в Православной Церкви. Лишая верующих возможности непосредственного и живого общения со святыми, протестанты и сектанты оказываются оторванными от золотой цепи святости, восходящей к апостолам и Христу. Но христианская община, оторванная от этой цепи, не может быть полноценной Церковью, потому что Церковь небесная, торжествующая, и Церковь земная, странствующая, связаны неразрывно. Оторвавшись от неба – от Божьей Матери и святых – Церковь превращается в земную организацию и перестает быть мистическим телом Христа, объединяющим живых и усопших, грешников и святых.

Примечания:

1. См.: Kallistos Ware. *Mary Theotokos in the Orthodox Tradition: Marianum LII*. Roma, 1990, p. 211-212.
2. Главы богословские, умозрительные и практические 3, 2-4 [SC 51, 120-122].
3. PL 1, 534

Обособленное
структурное подразделение
Белорусской Православной Церкви
**«Союз сестричеств милосердия
Белорусской Православной Церкви**

УНП 102345155
р/с 3015906000018 (BYR),
3135906005065 (EURO),
в отд.№522 ОАО «Белинвестбанк»,
г. Минск, ул. Одинцова,69, код 739

Контактные координаты:
220121 г. Минск ул. Притыцкого 65,
тел./факс (017) 253-15-49
моб.(Vel) (029) 153-88-83

Web-сайт:
www.ssmbel.info

Электронная почта:
info@ssmbel.info